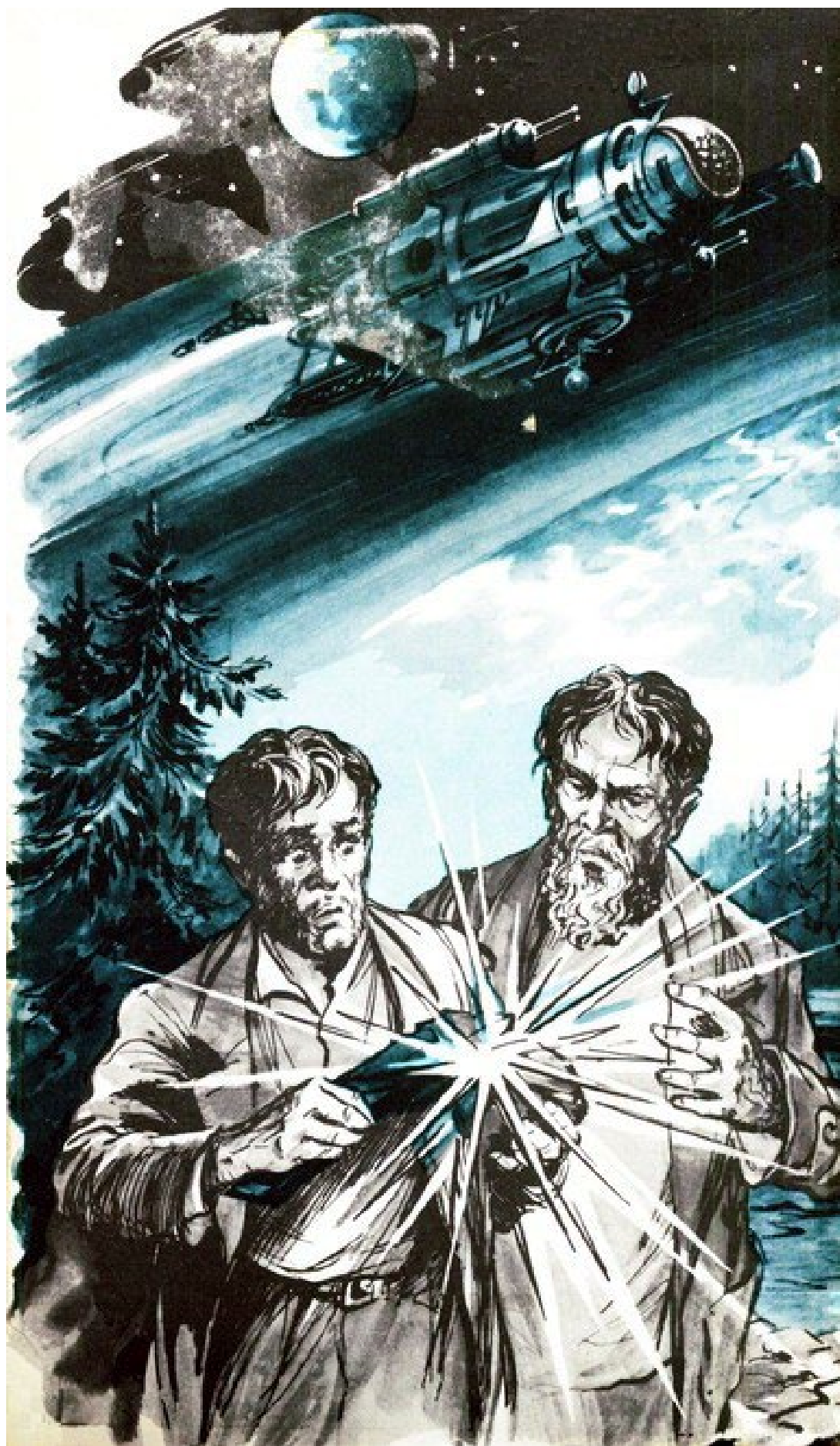


ИСКАТЕЛЬ № 6 1988





Александр КАЗАНЦЕВ

ТАЙНА НУЛЯ

Фантастическая повесть



Александр КАЗАНЦЕВ

ТАЙНА НУЛЯ

Фантастическая повесть

Художник Юрий МАКАРОВ

Оглавление

ТАЙНА НУЛЯ.....	3
ПОСЛАНЕЦ КОСМОСА	3
ДЕСЯТАЯ ЛУНА ДЖОНА БИГБЮ.....	7
ДИКИЙ СПУТНИК	10
ИНФРАКРАСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ.....	13
НАДЕЖДА	15
УДИВИТЕЛЬНАЯ НАХОДКА.....	17
ЛУННЫЙ СВЕТ	22
ТАЙНА НУЛЯ.....	27
РАДИОЛЕДИ.....	33
ГОЛОС ИЗ КОСМОСА	38
СОТРЯСЕНИЕ НАУК	42
ОБРЫВ	46
ЛЮБОВЬ И ДОЛГ.....	51
БЕЗ УЗ ТЯГОТЕНИЯ	56
УГАДАННОЕ ИМЯ.....	59
ЭПИЛОГ	62

ПОСЛАНЕЦ КОСМОСА

Безоблачный день. По Москве-реке, которую все-таки сберегли в заповедной части города у Ленинских гор, не заключив в трубу, по водной глади плыло множество аквавелосипедов. Чтобы сохранить речную воду чистой, был введен запрет на пользование в конструкциях судов любых двигателей. Река принадлежала лишь пловцам и аквавелосипедистам.

И вдруг синеву неба прорезала молния, не зигзагообразная как в грозу, а прямая, и на миг застыла в воздухе, засияв в лучах солнца серебристым столбом.

Неведомое тело упало в реку, подняв клубы пара и вызвав неожиданную волну. Волна опрокинула аквавелосипед, на котором катались два мальчугана. От неумения плавать или со страха ребята стали тонуть, взывая о помощи.

Стройная девушка в красном купальнике, с развевающимися рыжеватыми волосами, катавшаяся на педальном скутере, бросилась в воду. Когда она подплыла

поближе, ребяташки вцепились в нее, сковав ее движения. Все трое барахтались в воде, захлебываясь и мешая друг другу.

Увидев тонущих с огромной высоты метромоста, какой-то прохожий с ловкостью опытного спортсмена прыгнул с пешеходной дорожки верхнего яруса в реку.

Другой человек, следивший за событиями с набережной, — со спускавшимися на плечи локонами, одетый подчеркнуто элегантно, — бросился к спасательному взлетолету, дежурившему у цветника набережной. Тому, чтобы подняться в воздух, потребовалось какое-то время.

Прохожий, прыгнувший в воду, вынырнул около одного из мальчишек, схватил под мышки и поплыл на спине к берегу.

— Делай, как я, — крикнул он девушке.

Она сразу поняла его и тоже взяла второго мальчугана под мышки, перевернувшись сама на спину.

Взлетолет завис над ними. Он выбросил гибкую лестницу, и по ней спустился тот же элегантно одетый человек с растрепавшимися кудрями и протянул руку.

— Не беспокойтесь, — ответил из воды мужской голос. — Доберемся.

Через несколько минут все уже были на берегу.

Едва отдышавшись, ребята попросились на взлетолет, который мог доставить их на водную станцию, где остались ничего не подозревающие родители. Прилетевший на взлетолете человек стоял на берегу, приводя в порядок свои волосы.

— Надя, — сказал прилетевший, пряча гребенку в карман. — У меня душа чуть в пятки не ушла, — ведь все это происходило у меня на глазах.

— А вы? — девушка повернулась к своему спасителю. — Вы тоже едва не умерли со страху, спрыгнув в воду с такой высоты?

— Я просто не успел, — усмехнулся тот.

— Вы разденьтесь, — сказала девушка, отжимая свои мокрые, отливающие темной медью волосы. — Пусть одежда подсохнет на солнце. Как вас зовут?

— Никита Вязов.

— А меня — Надя Крылова. Я студентка-математик, синий чулок или сухарь, как вам больше нравится.

— Не верьте, бесстрашный прыгун, — вставил ее знакомый с длинными локонами. — Это ведь внучка знаменитого академика Зернова, надеюсь, вам известного.

— Кому-кому, а уж нам-то он известен, — загадочно произнес Никита Вязов, отжимая, как и Надя, свои густые, вьющиеся светлые волосы. Скинув мокрую одежду, он стал похож на спортсмена — стройный, мускулистый, поджарый. Заметив изучающий взгляд девушки, Никита сказал:

— Из-за высокого роста мою настоящую фамилию Джандарканов переделали сначала в Длинорканова, потом в Долговязова и наконец просто в Вязова. По известной вам традиции двадцать первого века!

Надя рассмеялась.

— А это, — она повернулась к недавнему пассажиру взлетолета, — ученик моего дедушки, о котором он только что упомянул, молодой и многообещающий доктор физико-математических наук, профессор нашего университета Константин Петрович Бурунов. «Смещение бессеровских функций». Может быть, слышали?

— А как же! Проходили, когда нас готовили, — с подчеркнутой почтительностью отозвался Вязов. — Мы их «бесовскими функциями» называли.

— Как? Где проходили? — удивился Бурунов. — Надеюсь, не мимо проходили? Для какой же это цели, спрашивается?

— Для астронавигации.

— Ах вот как! Ну тогда понятно.

— Пойдите, — прервала Надя. — Астронавигация? Космос? Тогда ответьте, что это было?

— Скорее всего обычный метеорит.

— Что? Метеорит в центре Москвы? Это невероятно!

— Видите ли, за сутки тысячи тонн космического вещества падают на нашу планету. В своем большинстве его частички сгорают метеорами. Остальные оказываются метеоритами. Чаще они попадают в океаны. И лишь немногие на сушу, обычно в малодоступные места.

— Сколько же времени этот несчастный метеорит носился в космосе, прежде чем свалиться нам на голову?

— А это смотря с какой скоростью он летал, — с хитрецей ответил Вязов. — Если с субсветовой, то время на корабле по теории относительности вроде бы стояло, а у нас на Земле текли тысячелетия. Вот и считайте, какой возраст у пришельца космоса...

— Во-первых, позволю себе заметить, — снова вставил Бурунов, — сомнительно, чтобы метеориты достигали в своем движении подобных скоростей. Во-вторых, еще более сомнителен пресловутый «парадокс времени», который вы упомянули. Не знаю, как вы там проходили теорию относительности, но...

— Не спорьте, — прервала его Надя. — Я не хочу, чтобы он был просто метеоритом. Пусть это будет посланец из космоса!

— Так метеорит вроде и есть посланец из космоса, — заметил Вязов.

— Нет не такой! Если бы он принес письмо с улетевшего звездолета! — погрузнев, сказала девушка.

Она вдруг увидела в своем спасителе совсем другого человека не похожего на того, каким он старался казаться. Скорее Никита Вязов человек незаурядного ума и обширной эрудиции. Он говорил об астронавигации, о теории относительности, о последних разработках в математике как о совершенно обычном деле. За каждым его словом угадывалась ирония, направленная прежде всего на самого себя, и глубокий, порой неожиданный смысл.

Никита спросил:

— Так почему же вы ждете письмо со звездолета?

— Ах, Никита! Ведь все знают, что два года прошло, как улетел звездолет, а сигналы от него перестали приходить еще год назад. Дедушка почти уверен, что экипаж погиб. А я не хочу верить. Понимаете, не хочу и не могу, хотя во всем ему верила. Когда он... ну понимаете, когда он...

— Доказал, что лететь к звездам можно, — закончил за нее Никита. — Что скорость звездолетов может превышать световую, и далекие звезды достижимы.

— Откуда вы знаете? — без всякого удивления спросила Надя.

— Понаслышке, — улыбнулся Вязов. — И даже о той самой Надежде Крыловой знаю.

— Какой той самой?

— О дочери командира звездолета Алексея Крылова.

— А я пока ничего о вас не знаю, кроме того, что вы прыгали с моста. Вы наверняка не такой, каким кажетесь. Вот вас куда-то готовили...

— Готовили для участия в спасательной экспедиции, которая вылетит на поиски пропавшего звездолета.

Надя почувствовала, что кровь бросилась ей в лицо. Так и есть! Она же догадалась, что это не простой человек! И, чтобы скрыть свое замешательство, непоследовательно сказала:

— И тот, кто должен спасти моего отца, безрассудно прыгает в реку! А если бы вы разбились?

— Не думал, цейтнот! Уж простите.

— А я? А я? — спрашивала Надя, всматриваясь в притягательную улыбку Вязова. — Что я должна думать? Один дал мне жизнь и не вернулся из космоса, другой спас и тоже летит в космос. Так кого же мне ждать?

— Обоих, — с поразительной уверенностью в голосе серьезно произнес Вязов.

А на Москве-реке появился электрический катер подводников. Аквалангисты один за другим бросались спиной в воду.

Поиски «московского метеорита» начались.

Космолетчик Никита Джандарканов-Вязов прибыл на заседание Всемирного Звездного комитета, когда там уже вовсю шла острая дискуссия.

— Научная позиция академика Зернова граничит с преступлением, — говорил профессор Дьяков, худощавый, уже немолодой человек с острыми чертами лица. — Его утверждение, что звездолет может превысить скорость света и достичь звездных далей, привело к трагическим последствиям — гибели экипажа звездолета «Скорость». Как известно, через год после старта, когда звездолет разогнался до субсветовой скорости, течение времени на нем замедлилось. Сигналы с него подавались ежедневно, но поскольку час, а потом и минута в его сутках по закону «сокращения времени» стали равны земному году, мы примем эти сигналы через десятки и сотни лет, а самих звездолетчиков наши потомки дождутся через тысячу лет! Из уважения к видеозрителям, следящим за нашей дискуссией, я объясню сущность «сокращения времени», как эта делаю своим студентам в университете. Истинное Всеобщее Время отмечается углом поворота стрелки неких Вселенских Часов, но длина дуг конца этой стрелки и любой ее точки вплоть до оси вращения отмечает собственное время тел. Чем ближе точки к оси вращения, тем короче их дуги и тем более замедленное собственное время. В центре же вращения, где скорость движения тел равна скорости света, длина дуги равна нулю, а время неподвижно. Этого не принял во внимание мой оппонент...

Профессор Дьяков закончил свою обличительную речь, а позади, готовый сменить его, уже стоял академик Зернов.

Оглядев присутствующих членов Звездного комитета, ученых из разных стран, космонавтов и звездолетчиков, он начал, едва сдерживая гнев:

— Не могу... не могу спокойно говорить после выступления уважаемого профессора Михаила Михайловича Дьякова. Мне трудно передать свое возмущение теми вульгарными аналогиями, при помощи которых он пытался объяснить «сокращение времени», вытекающее из теории относительности Альберта Эйнштейна. Отнюдь не умаляя заслуг Эйнштейна, я буду говорить о его заблуждениях, с такой завидной, но бездумной настойчивостью отстаиваемых уважаемым профессором Дьяковым. Никакими экспериментами пока не доказано «сокращение времени». Я напомню, что, по Эйнштейну, сокращается не только время, но и длина тела относительно направления движения. Следовательно, если бы в полете оказался наш профессор Дьяков, то при достижении звездолетом

световой скорости его лицо превратилось бы в блин. А если он повернется, чтобы взглянуть в боковой иллюминатор, то голова превратится в блин. А что будет происходить с остальными частями его тела при подобном повороте? Они будут то сокращаться до нуля, то расширяться до прежних размеров. Врачи рассмеются, если их спросить о здоровье такого поворачивающегося космонавта. Вот и получается, что рассуждения об этих сокращениях — несусветная чепуха. И все эти нелепости произносятся с трибуны, чтобы убедить готовых к полету звездолетчиков, чтобы они, когда их товарищи гибнут в космосе, из «теоретических» соображений отсиживались на Земле. Я закончу свое выступление мыслью, в истинности которой полностью убежден: «Спасатели должны спасать!»

ДЕСЯТАЯ ЛУНА ДЖОНА БИГБЮ

Скутер рванулся, оставляя за собой седые усы бурунов и перистую, как в небе, дорожку.

У Нади захватило дух. Наслаждение было как при полете на дельтаплане или затажном парашютном прыжке.

Промелькнул над головой метромост, с которого прыгнул «ее» Никита.

Надя сбросила скорость, развернулась, используя инерцию движения, и ее скутер ткнулся носом в песок насыпанного у подножия Ленинских гор пляжа.

Надя уже давно решила, что жизненным примером для нее должна служить великая Софья Ковалевская, ставшая математиком вопреки воле отца, вопреки неписаному запрету на высшее образование для женщин в России. Правда, Наде никто не мешал заниматься математикой.

Она прибыла на свидание с Никитой, но ждать сорок минут ей оказалось не под силу! Раздраженная, она села в скутер, чтобы умчаться при появлении Вязова.

Маховик уже пел на низкой ноте, показывая, что запас энергии иссяк. Наде пришлось поработать педалями, чтобы быть готовой к своему бегству.

Не меньше получаса она терпеливо раскручивала маховик. За это время с чисто женской логикой, едва ли схожей с математической, она успела оправдать провинившегося Никиту. Очевидно, он не просто опоздал, а решил уберечь ее от сближающих их встреч и возможной «тысячелетней» разлуки из-за проклятого «парадокса времени», ведь Никита сам сказал, что метеорит мог лететь с субсветовой скоростью; тогда время на нем стояло, а на Земле мелькали столетия. Он благородно отказывался от счастья, чтобы избавить Надю от горя.

Ей вдруг захотелось доказать, что никакого «парадокса времени» нет! Правда, опять получится не совсем по Софье Ковалевской: та отказывалась от личного счастья во имя науки, а Надя Крылова собиралась с помощью науки добыть свое счастье. Ну да пусть это простится ей!

На всякий случай подождав еще немного, она направила скутер обратно к водной станции.

Никита так и не появился на пляже. К этому времени он уже покинул Землю.

А еще утром он с особой тщательностью занимался своим туалетом, старательно расчесывал светлые, непослушные волосы, спадающие на плечи.

Это не ускользнуло от внимания его матери, Елены Михайловны, женщины чуткой и мудрой, воспитавшей сына без рано погибшего мужа-летчика. Худая и высокая, неторопливая в словах и движениях, она обо всем догадалась и, как бы продолжая разговор, спросила:

— И кто же она?

В тон ей Никита непринужденно ответил, словно не сообщал ничего особенного:

— Внучка академика Зернова, своими расчетами подготовившего наш рейс. Мы летим на поиски экипажа звездолета, которым командует ее отец, Крылов, чьим именем и назван наш спасательный корабль. Словом, тесная семейственность в беспредельном космосе.

— И что же? — с улыбкой спросила Елена Михайловна. — Она готова ждать тебя все четыре года, которые высчитал для вас ее дед?

— Видимо, так. Но пока она об этом еще не сказала.

— А это не помешает твоему полету?

— Помешать спасательному рейсу может только возвращение пропавшего звездолета.

В этот момент в браслете личной связи на руке Никиты прозвучал сигнал тревоги и послышался спокойный, но твердый голос командира звездолета «Крылов» Бережного:

— Вязову — в штаб перелета! Явиться по тревоге! Немедленно.

Бережной ждал Вязова у дверей штаба.

— На взлетолет. Летим на космодром. Вверху беда — придется выручать, — бросил он и зашагал, больше ничего не объясняя.

На околоземной орбите завершалась сборка спасательного звездолета «Крылов» и подготовка его к старту.

Едва поспевая за Бережным, Никита ломал себе голову: что там могло случиться?

И только во взлетолете Бережной кратко объяснил:

— Дикий спутник. Может произойти столкновение с «Крыловым».

— Как так? — удивился Вязов. — Ведь орбита строительной базы в космосе была свободна. Перепроверено десятки раз.

— Вот именно. Все учтено, кроме того, что может измениться в космосе. А этих лун Джона Бигбю целый десяток.

— Но их орбиты хорошо известны и давно изучены.¹

— Одна из лун Бигбю сошла с орбиты и грозит врезаться в модуль звездолета. Нам с тобой, космическим спасателям, предстоит показать, чему нас учили. Дело,

¹ В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году в журнале «Икарус» американский ученый д-р Джон Бигбю сообщил, что им обнаружено на околоземных орбитах десять космических тел, которые не были запущенными СССР или США искусственными спутниками. Он исследовал их траектории, и оказалось, что все они сходятся в одной точке, из которой «осколки» начали свое движение восемнадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, видимо, составляя вместе одно тело, разрушившееся по неизвестной причине. Тогда же в космосе наблюдалась вспышка. Она не была сразу потухшей сверхновой звездой или метеором, не оставившим в атмосфере светящегося следа. Причину ее так и не установили. Советский ученый Сергей Петрович Божич высказал гипотезу, что восемнадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, за два года до запуска первого искусственного спутника Земли, на околоземной орбите взорвался чужепланетный космический корабль. Джон Бигбю не решился присоединиться к этому мнению, предпочитая более «естественную» причину образования обнаруженных им лун, но назвать ее не смог. В США нашлись ученые, принявшие гипотезу Божича, но никаких попыток исследовать в космосе загадочные луны Бигбю не было сделано. В условиях международной напряженности космос наполнялся все новыми объектами, в том числе военного назначения, и говорить об инопланетном посещении всерьез было не принято. О лунах Бигбю забыли. Но они продолжали существовать (здесь и далее прим. авт.).

казалось бы, пустяковое — изменить орбиту блуждающего спутника, а от этого зависит чуть ли не вся грядущая история...

— Закрепим, командир, буксир и оттащим глыбу. Работы на несколько часов.

Пока продолжался этот разговор, космоплан вышел уже из верхних слоев атмосферы, переходя на первую космическую скорость и готовясь лечь на орбиту строительной базы, где собирался гигантский звездолет «Крылов».

В отличие от космических ракет, ценой перегрузки быстро выносивших космонавтов на орбиту, в космоплане невесомость пока не ощущалась. Двигатели работали, вызывая ускорение, равное земному, и Вязов даже мог встать с кресла и подойти к иллюминатору, не взмывая под потолок.

— Выходим на орбиту. Значит, скоро появятся наши нули на ниточке, — шутливо заметил он.

— И кто это выдумал модули нулями прозвать? Не ты ли?

— У меня были к тому не только геометрические (дискообразные кабины ведь на нули похожи!), но и философские основания.

— Тоже скажешь, философские! — фыркнул Бережной.

— А как же! — вполне серьезно возразил Вязов. — Поскольку первый модуль использует вакуум, кванты которого по всем физическим показателям равны нулю, то модулю этому предстоит сыграть роль знаменателя, ибо нуль, разделенный на нуль, не равен нулю.

— Ну «занулил», мудрец доморощенный! Как на базе? Связь держишь?

— Так точно. Энергоблок вошел в резонансный режим высвобождения внутривакуумной энергии, а выйти из него пока не удастся.

— Худо дело. Выходит, на нас с тобой вся тяжесть ложится.

— Да не такая это уж тяжесть — на космическую рыбку сеть накинуть.

— Ну-ну, рыбак космический. Смотри, как бы у разбитого корыта не остаться! — проворчал Бережной.

Он получил с Земли указание, на какую орбиту при достижении определенной скорости вывести космолет, чтоб раньше Дикого спутника оказаться вблизи «Крылова».

Конечно, орбиты их не совпадали и находились даже в разных плоскостях. Но, как вычислили земные компьютеры, из-за происшедших перемен в движении Дикого спутника он должен встретиться с «Крыловым» как раз в той точке, где он и Дикий спутник могли оказаться одновременно. Вероятность столкновения была, принципиально говоря, чрезвычайно малой, но все же не равнялась нулю и снова, как и в случае с «московским метеоритом», грозила стать реальностью.

Звездолет состоял из двух дискообразных модулей по 50 метров диаметром. В переднем размещалась техническая часть с энергоустановкой. В заднем — жилая кабина и пост управления всей аппаратурой технического модуля. Модули, соединенные тросом, передающим тяговое усилие, к моменту старта должны были разойтись на сотню километров. Эти сто километров избавляли экипаж от возможных вредных влияний внутривакуумной энергетики, а в сравнении с преодолеваемыми расстояниями такая длина буксира не имела никакого значения.

Правда, для посещения в пути технического модуля космонавтам требовалось воспользоваться скафандрами с реактивными двигателями и испытать двойное ускорение, чтобы нагонять разгоняемый с земным ускорением технический модуль.²

² Еще в глубокой древности говорилось, что «природа не терпит пустоты», и представления о том, чем пустота заполнена, сменяли друг друга: небесная твердь оказывалась то жидкой средой с вихрями звезд (по Декарту), то,

- Вижу «дикаря», — крикнул Вязов.
- Готовь скафандры. Пойдем на абордаж!

Погода, как и предвещали протянувшиеся в небе веером перистые облака, действительно начала портиться, и Наде пришлось поторопиться, чтобы успеть на пригородный взлетолет.

Оставив на водной станции скутер и переодевшись, она побежала к взлетной площадке у Речного вокзала.

Скорее к деду, в Абрамцево. Он-то вооружит ее такими аргументами, что Никите придется отбросить всякие мысли о «вечной разлуке» из-за «парадокса времени».

ДИКИЙ СПУТНИК

Бледная до неузнаваемости, Наталья Витальевна стояла на крыльце дачи.

Надя испуганно бросилась к ней.

— Что с дедушкой?

— В забытии. Вызвали врача. Спасибо Константину Петровичу, он доставил его прямо с заседания Звездного комитета. Дед ничего не должен знать.

— Что он не должен знать?

— В космосе творится такое... Пусть Константин Петрович объяснит. Твой Никита вместе с Бережным там... спасают...

— Мама! Что ты говоришь? Никита в опасности?

— И он там, и мы здесь... все в одном положении!

— Какая опасность? О чем речь? Ничего не понимаю. Я должна знать! — произнесла вышедшая из дома на крыльцо по друга Нади Кассиопея Звездина — по-южному яркая, смуглая девушка со смолянными волосами и большими серьгами в ушах. Она крепко держала под руку Бурунова, словно боясь отпустить его.

Вернувшись в дом, они остановились перед видеостереоэкраном. Он походил на проем в стене. Казалось, что в соседней комнате, не отгороженной даже стеклом, находятся люди. Один из них — коротко стриженный, в очках с тяжелой оправой — говорил:

— Как уже сообщалось, спасатели Бережной и Вязов на своем космолане приступили к переводу блуждающего спутника на безопасную орбиту. Еще три космолана с другими спасателями вышли в космос с той же целью. Энергоблок

наконец, даже мировым эфиром, одновременно и сверхтвердым и сверхпроницаемым. Последняя гипотеза была поставлена под сомнение после опыта Майкельсона — Морли, доказавшего, что при движении Земли эфирного ветра нет; это послужило толчком для создания теории относительности с ее постулатом о предельной скорости света. И только после появления теории фундаментального поля ленинградского физика И. Л. Герловина (Протождяконов М. М. и Герловин И. Л. «Физические свойства кристаллов». М., «Наука», 1975) стало ясно, что вакуум материален, а физические свойства его квантов не проявляются потому, что те состоят из соединившихся частиц вещества и антивещества (протон — антипротон или электрон — позитрон), взаимно компенсирующих характеристики друг друга, но возбуждающихся и передающих это возбуждение в результате электромагнитного излучения. Эти представления, подтвержденные и другим видным физиком Судерманом, поставили задачу использования энергии возбужденных квантов вакуума и даже более — энергию связи самих элементарных частиц, состоящих, по Герловину, из кольцевых электрических образований. Однако эта энергия связи, которую мыслилось высвободить с помощью резонанса, оказалась столь колоссальной, что использовать ее допускалось лишь в космосе для обеспечения звездолетов, получающих ее в пути из вакуума, отталкиваясь от него, как от материальной среды, без выбрасывания требуемых при реактивном движении огромных масс вещества.

звездолета «Крылов», несмотря на неизбежную отсрочку его вылета, выводят из резонансного режима получения внутривакуумной энергии.

— Резонанс в космосе? Это ведь не концертный зал! — реагировала на сообщение Кассиопея.

Бурунов только покачал головой:

— Вижу, вам, Кассиопея, неведомы тайны внутривакуумной энергии. А вам, Надя?

— Мне Вязов обо всем рассказывал. Лучше, чем в университете.

— В таком случае пусть Бурунов мне все объяснит. Ведь он профессор, а не штурман, — потребовала Кассиопея.

— Я готов, — поклонился молодой профессор. — Судя по сообщению, Земле действительно грозит серьезная опасность, — начал он. — Освобожденная энергия вакуума невообразимо велика и превосходит все известные виды энергии! Если костер сравнить с теплоэнергетикой, а лесной пожар с атомной энергией, то внутривакуумную энергию надо сравнивать с пылающим Солнцем. Потому использование ее допускается лишь для звездных рейсов на безопасном расстоянии от Земли и только при условии надежного регулирования процесса резонансного разрушения квантов вакуума. Если выделение энергии станет бесконтрольным, то на месте столкновения модуля звездолета с блуждающим спутником вспыхнет как бы сверхновая звезда, правда, масса ее не превзойдет массу земного шара.

— Который превратится в перегретую плазму, — горько добавила Надя, теребя свою косу.

— Ну, знаете ли! — возмутилась Кассиопея. — Если Сократ к концу жизни понял, что ничего не знает, то я его уже превзошла в этом!

— Нет, почему же? — вмешалась Наталья Витальевна. — Поняли же люди, что бездумно пользоваться внутриядерной энергией недопустимо. Надо только перенести это понимание на вакуумную энергию.

— Опасность велика, хотя маловероятно, чтобы модуль звездолета и блуждающий спутник одновременно оказались в точке пересечения их орбит. Однако это возможно. Думаю, Бережному и Вязову не составит труда перевести космическое тело на безопасную орбиту, исключив его столкновение с модулем.

— Вижу! Вижу Дикий спутник в иллюминатор, — крикнул Вязов, взлетая при этом к самому потолку, где он ухватился рукой за поручень. В другой руке Никита держал электронный бинокль, приближающий далекие предметы почти вплотную.

— Через иллюминатор видишь или его иллюминаторы заметил? — спросил Бережной.

— Иллюминаторы пока не видно. Может, не тот бок?

— Не тот бок! Не тот бок! — проворчал Бережной. — А может, вовсе не бок, а спинка космической рыбки?

— Не знаю, как там с рыбьей спинкой, но звезда эта вроде бы с хвостом.

— Как с хвостом?

— Посмотрите сами, — и Вязов протянул командиру бинокль.

— Э! — воскликнул тот. — И впрямь рыбка в космосе. Что ж, собирайся на «рыбалку». Надевай скафандр и не забудь взять с собой линь вместо лески. Может быть, спиннинг понадобится?

— Да я вроде с гарпуном, — Вязов поднял, как перышко, тяжелый в земных условиях крюк и погрозил им кому-то.

— Добре. Для закрепления крюка захвати с собой электроэрозионный резак, заодно от Дикого спутника возьмешь пробу на память.

— Да уж помнить будем, — заверил Вязов.

Вязов не раз выходил в открытый космос и радовался, испытывая приятное ощущение свободного парения над земным шаром. И хотя такие выходы должны были стать для него будничными, они все равно давали ему сознание собственного могущества и победы над оковами земного тяготения.

Земной шар, который Вязов только что видел через иллюминатор, теперь можно было, не поворачивая головы, окинуть взглядом от одного его выпуклого и освещенного солнцем края до другого, затененного. Он походил бы на гигантский глобус, правда, без параллелей и меридианов, если бы пятна материков и морей не были такими «неглобусными», неземными, чужеродными. Местами эти пятна закручивались «спиральными туманностями» или разрывались проемами, через которые выглядывали настоящие земные континенты и океаны.

Крестник Джона Бигбю — осколок неведомого взрыва издали и впрямь походил на диковинное создание морских глубин, за туловищем которого тянулся прозрачный шлейф, золотистый из-за просвечивающих через него звезд.

Скафандр чуть вздрогнул, но космонавт не ощутил бы движения, если бы Дикий спутник не стал заметно увеличиваться в размерах, надвигаясь на него.

— Как заарканишь нашу вуалехвостку, — слышался в шлеме Вязова голос Бережного, — линь понадежней закрепи.

— Не беспокойтесь, командир. Крючки закреплю под самые жабры.

— Не сорвалась бы!

— Так я ее не просто крючком поддену, а морским узлом линь завяжу. Еще одним взрывом не оторвешь. Только поднырнуть под «луну» придется. С той стороны, может быть, что и увижу, кроме гладкой стенки, как с этой.

— То, что стенка гладкая, тоже дорогого стоит.

— Есть! Вижу подходящее местечко. Выступ, а возле него выбоина, словно из нее кусок вышибли.

— Вышибли! Я посмотрю, как ты «пробу» вышибешь. Ангелы небесные здесь с кувалдами, что ли, летают!

Вязов проплыл под космической громадиной и оказался с другой ее стороны. Она выглядела совершенно темной — в вакууме ведь нет рассеянного света. И Вязов ничего не мог рассмотреть с внутренней стороны стенки, которая все-таки была вогнутой, в то время как с освещенной стороны — выпуклой!

Так что никаких деталей искусственного происхождения на темной части обломка Вязов просто не мог увидеть. Впрочем, их могло здесь и не быть! Кто знает, какую роль выполняла эта часть гипотетического звездолета, если верить, что осколок принадлежал ему?

Оставалось только скорее закрепить линь и взять «пробу».

Легкое прикосновение крюка вызвало, к удивлению Вязова, сноп искр. Но едва он включил резак, случилось что-то невероятное, похожее на электрическое замыкание. Дикий спутник содрогнулся, тряхнув скафандр Вязова. Затененная часть обломка осветилась пламенем, вырвавшимся из скрытых в нем дюз.

Вязов с замиранием сердца понял, что случайно включил дремавшие сотню лет реактивные двигатели (скорее всего рулевые) погибшего чужепланетного звездолета.

— Эй, Никита! Ты понимаешь, что делаешь? Зачем запустил двигатель своего скафандра? Прешь прямо на модуль звездолета!

— Это не мой двигатель, — доложил Вязов, — неизвестно отчего заработали двигатели звездолета.

— Эх, растяпа! Теперь никакой буксир не поможет. С Земли уже тревогу бьют, им все видно. Тоже «спасатели»! — гремел в шлеме Вязова гневный голос Бережного.

— Отсюда их не выключить, — имея в виду заработавшие двигатели, сказал Вязов.

— Сам вижу. Нестерова помнишь?

— Летчика? Еще бы!

— Иду, как он, на таран. Держись, Никита!

Бережной видел в передний иллюминатор, как надвигается на него Дикий спутник. Он успел развернуть космоплан, поставив его на пути космического пришельца.

Удар получился страшным. Эластичный пластиковый скафандр вместе с Бережным вырвало из кресла у пульта. Пробив переборку, он ударился о стенку кабины, прогнув ее так, что она дала трещины. Бережной потерял сознание...

Вязов, находившийся с противоположной стороны от ожившего обломка чужепланетного звездолета, тоже ощутил удар во всей его силе, чуть смягченный только пластиковым скафандром, и тоже потерял сознание.

ИНФРАКРАСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Когда Вязов пришел в себя, его тело ныло от ушибов. Голову после удара саднило, в глазах застыла какая-то мутная пелена, словно передняя стенка шлема потеряла прозрачность.

— Командир! — крикнул Вязов. — Георгий Трофимович! Ты жив?

Вязову только казалось, что он крикнул. На самом деле ему удалось издать несколько беспомощных звуков, но и они не попали в эфир из-за того, что вышла из строя радиоустановка скафандра.

Вскоре Вязов понял это. В горле першило, хотелось сплунуть, но... некуда. В шлемофоне — ни звука: очевидно, сорвало антенну. Космическое безмолвие жило отдельно от шума и звона в ушах Вязова.

В глазах чуть прояснилось. Лобовое стекло шлема все-таки уцелело. Но где же это проклятое рулевое крыло инопланетного корабля? Что с космолетом? С Бережным? Преодолевая боль о теле, Вязов постарался развернуться, чтобы увидеть обломок с космолетом или модуль звездолета «Крылов».

Но не увидел ничего, кроме ярких немигающих звезд и ослепительного, в короне языков солнца. И тут вдруг Вязов понял, что отброшен далеко от ожившего инопланетного обломка, от космолета Бережного, от модуля звездолета, что летит над Землей по круговой орбите и что крохотную точку — неметаллический скафандр, в котором-то и дюзы керамические, не обнаружить никакими локаторами ни с Земли, ни из космоса!

Кислорода осталось на считанные часы. Вязов успеет только несколько раз облететь вокруг Земли. Включить двигатели? Но куда лететь? Здесь не повернешь, как в воздухе рулем! Увеличение скорости изменит лишь орбиту, на которую вынесет скафандр, и ничуть не приблизит его к модулю звездолета или резервным космолетам, вылетающим вслед за космолетом Бережного. При этом в реактивных двигателях будет расходоваться кислород, а запасы его для двигателей и дыхания в скафандре общие. Любая попытка использовать двигатели только сократит ему жизнь.

Можно попытаться продержаться подольше, рассчитывая на то, что его поймут в прицел радиолокаторы, хотя шансов обнаружить с Земли затерявшийся в космосе пластиковый скафандр почти нет.

И в том и в другом случае положение Вязова выглядело безнадежным.

Весь мир после того, как опасность столкновения в околоземном пространстве с Диким спутником миновала, был потрясен новой сенсацией.

Все началось опять с Мальбарской радиообсерватории при Кембриджском университете в Англии, где еще в прошлом столетии, в июле 1957 года студенткой Джосиан Белл и профессором Хьюшем были отмечены упорядоченные радиоимпульсы, даже принятые сначала за сигналы «маленьких зеленых человечков». Тогда они задержали на полгода осторожных английских ученых с публикацией сообщения, приведшего к открытию «пульсаров». Теперь к профессору Джорджу Хьюшу-младшему, занявшему место своего прадеда в радиообсерватории, вошла его супруга Джосиан Белл, которая была правнучкой той студентки, открывшей пульсары, и уже по семейной традиции подписывала свои научные труды именем прабабки, хотя формально и считалась миссис Джордж Хьюш по мужу, и обратилась к нему со следующими словами:

— Боюсь, почтенный профессор, я отвлеку вас от важных размышлений, но наша дочь Мэри, снимая показания самописцев большого радиотелескопа в инфракрасном диапазоне, обнаружила весьма странное послание из космоса, совсем не похожее на пульсар, открытый в прошлом столетии здесь, у нас же. Оно действительно очень напоминает разумный сигнал.

— Что? Опять «маленькие зеленые человечки»? — проворчал профессор Джордж Хьюш. — Право, уважаемая коллега, вам следовало бы избавиться от столь романтических наклонностей. Наука, подлинная наука должна быть критична и недоверчива ко всяким сенсационным сигналам «маленьких зеленых человечков». Извольте найти подобным сообщениям более естественные объяснения.

— И все-таки, уважаемый профессор Хьюш, у меня есть основания считать эту передачу из космоса делом рук разумного существа, хотя повтора ее не последовало. Впрочем, повторение давних сигналов и привело к заключению о существовании пульсаров именно потому, что сигналы соответствовали параметрам нейтронных звезд. Наш случай уникален, и я настоятельно советую вам уделить ему большее внимание, чем-то, с которым вы относитесь к любым новым сообщениям. Нельзя считать строго научными поиски только естественных причин обнаруженных явлений, как вы только что рекомендовали, словно существование разума у вас, у меня или у инопланетных существ противоречит природе.

Супруги, несомненно, рассорились бы, что с ними случалось достаточно часто, если бы не их дочь Мэри, которая ворвалась в кабинет и с присущей молодости бесцеремонностью заявила:

— Я не знаю, к каким выводам пришли высокие научные авторитеты, но я сочла нужным вызвать корреспондентов лондонских газет для экстренного сообщения о своем открытии.

— Вы сошли с ума, Мэри, это настоящая профанация! — запротестовал возмущенный профессор Хьюш.

Но миссис Белл встала на сторону дочери. И, поскольку во всех семейных сражениях победа доставалась миссис Белл, вопрос в конце концов был решен в пользу Мэри.

Словом, в Мальбарской радиообсерватории при Кембриджском университете давняя ситуация не повторилась, и сообщение без задержки разнеслось по всему свету.

Стихийно возникший в Лондоне под председательством бойкой Мэри Белл-Хьюш комитет связи с «инфракрасными человечками», как с английским юмором называли предполагаемых авторов космического послания, обратился ко всем ученым мира с просьбой помочь в расшифровке загадочных сигналов.

В разных странах компьютеры были запрограммированы на расшифровку космического «ребуса».

Через день компьютеры сделали вывод, что «послание основано на двоичной системе и состоит из сгруппированных символов, из которых группы вторая и последняя, а также третья и предпоследняя идентичны».

Однако дальше этого дело пока не продвинулось.

НАДЕЖДА

Компьютеры не были запрограммированы на интуитивное решение загадки.

Но два московских мальчика, школьники-радиолюбители, Саша Кузнецов и Витя Стрелецкий (кстати, едва не утонувшие после падения у Ленинских гор «московского метеорита», угодившего в реку), повторяя азы старинной радиотехники, обратили внимание на то, что принятые в инфракрасном диапазоне сигналы напоминают давно забытую после появления компьютерного радиотелеграфа азбуку Морзе. Если обратиться к ней, то можно прочесть космическое послание как русское слово «Надежда».

Это детское сообщение было принято с недоверием. Кто мог из космоса передавать в тепловом диапазоне русское слово, да еще по условной азбуке «допотопного» телеграфа?

Профессор Хьюш и другие скептики не хотели и слышать об этом, уверяя, что берутся при помощи забытых алфавитов прочесть заданное им слово не только по звездам, но и по огням ночного города!

Однако иначе отнеслись к вспыхнувшему спору между скептиками и романтиками науки во Всемирном Звездном комитете, который более суток тщетно разыскивал затерявшегося в космосе русского астронавта Вязова-Джандарканова.

При всей невероятности передачи в инфракрасном диапазоне русского слова «Надежда» оставалось неясным, как мог сделать это Вязов, если послание исходило от него.

Несмотря на это, Звездный комитет принял энергичные меры. Полученные по его запросу данные от профессоров Хьюша и Белл были сообщены пилотам находящихся в космосе кораблей.

Когда Никита Вязов включил реактивные двигатели, им руководило вовсе не отчаяние, а вполне обдуманная мысль. Как человек действия, он не мог сделать иного выбора.

Никита рассчитывал на то, что земные радиотелескопы, непрерывно исследуя небосвод в разных диапазонах волн, включая инфракрасные, заметят на околоземной орбите вспышки пламени реактивных дюз и расшифруют его послание. Ему помогло и воспоминание о полярниках, унесенных на льдине в океан. Они воспользовались мотком проволоки, который растягивали и сматывали по коду азбуки Морзе, и этот сигнал был принят радиолокаторами.

У Вязова не было проволоки или какого-либо металлического предмета, который отразился бы на экранах локаторов, но вызвать хотя бы один раз тепловую вспышку он мог, правда, уже не повторяя своего сообщения и перейдя на дыхание с задержкой. Двадцать секунд — замедленный вдох, снова задержка дыхания и двадцатисекундный выдох. Но и это было слишком частым дыханием. Нужно было еще растянуть его, как это умеют делать йоги.

Расчет Вязова оправдался: резервные космолеты по данным английских радиоастрономов все-таки отыскиали в необозримых просторах блуждающий на околоземной орбите пластиковый скафандр.

Еще не оправившись от пережитого им потрясения, Никита потребовал, чтобы его доставили к Дикому спутнику, продолжавшему свой путь вместе с остатками таранившего его космолета Бережного.

С Земли Вязову разрешили вновь выйти в открытый космос. Когда ему меняли скафандр, он постарался не выдать боли, которую испытывал при этом от полученных в столкновении ушибов.

На этот раз Никита сразу вышел к вогнутой стороне, которая теперь из-за разворота обломка звездолета после тарана была немного освещена, так что Вязов мог осмотреть чужепланетную технику с рулевыми реактивными двигателями.

Двигатели после тарана заглохли, но они, видимо, включались раньше при попадании метеорита в отсек управления и перевели Дикий спутник на другую орбиту. Вязов облетел вокруг обломка, изучил его, нашел пульт, которого так неосторожно коснулся. Он и теперь взял «пробу» именно здесь...

Все закончилось благополучно, и он вернулся на космоплан спасателей с трофеем, право получить который хотел непременно оставить за собой.

Девушка сидела над рекой, как мраморное изваяние, не сводя глаз с воды. И вот на поверхности появились сначала пузырьки, а вслед за ними показался и сам аквалангист — высокий, мускулистый, поджарый. Он снял маску и сел рядом с Надей, вертя в руках какой-то камень.

Девушка, сразу оживившись, радостно сказала:

— Все-таки нашел! — И в голосе ее звучала гордость за друга.

— Не мог не найти. Метеоритчики искали обычный метеорит, каменный или железо-никелевый, а я-то знал, что метеорит был двойным, потому и представлял, что надо найти!

Надя взяла в руку находку, прикидывая ее вес.

— И такой кусок мог отнять тебя у меня?

Они сели рядом на песок, рассматривая камень.

— А из чего он? Серебро, платина или какой-то сплав?

— Я, пожалуй, возьмусь точно назвать его состав. Это сплав редкоземельных элементов удивительной даже для нашего времени чистоты: церия — 67, 2 процента (без трудно отделимой от него примеси металлов лантановой группы), лантана — 10, 9 процента, неодима — 8, 7 процента, железа вместе с марганцем — 0, 4 процента, причем без обязательных для земных условий окислов железа, как если бы сплав получался не в богатой кислородом атмосфере. Следы урана без продуктов его распада говорят, что образцу не более 100000 лет, но по торию и продуктам его распада можно определить возраст находки в сто семьдесят лет.

— Никита! Ты говоришь так, словно у тебя есть точнейшие аналитические приборы.

— Просто я знаю состав второго обломка Дикого спутника, обломок был отбит от него случайным метеоритом и вместе с ним упал в Москву-реку.

— А-а! Вот они где, голубчики мои, воркуют, — слышался знакомый Вязову голос. — Дивно дило!

Никита с улыбкой вскочил навстречу Бережному.

— Георгий Трофимович! Как же вас из госпиталя выпустили? После реанимации?

— Клиническая смерть — еще не конец. Меня не первого с того света вызволили. Черепную коробку шлем спас, а переломы вылечить — это для института имени Илизарова легче легкого. Конечности заново выращивают, не то что у меня. Соединяют по методу старого волшебника кость металлическими кольцами и заставляют ее зарастать на ходу. Вот поглядите, в каких «кандалах» медики выпускают нас гулять. Вы извините, — обратился он к Наде, здороваясь с ней и чуть приподнимая штанину, чтобы показать несложный аппарат из двух колец и винтов. — Вот, так и вернули меня к жизни. Чтобы мог сам важную находку сделать, не все тебе, Никита, ими хвастаться. Потому я, вместо того, чтобы лежать в палате, как в старину, подготовил для вас сюрприз!

— А у меня есть такая же старая тетрадь. Я ею уже не раз пользовался.

— Может, тебе пригодится и эта старенькая, как твоя тетрадка, газетка «Социалистическая индустрия» от 27 января 1985 года! Старина-то какая, но и для нас новости есть! Прочитайте-ка статью «Удивительная находка»! По составу — прямо проба Дикого спутника!

— Так ведь Никита тоже нашел...

— Да ну! — обрадовался Бережной. — А ну-ка покажи... Тогда сравнить надобно.

Он сел рядом с молодыми людьми, разглядывая остроугольный серебристый кусок. А Надя с Никитой читали старую пожелтевшую газету в пластмассовой пленке.

УДИВИТЕЛЬНАЯ НАХОДКА

У костра на берегу сидели трое.

На севере в июле вечера стоят светлые — зори догорают медленно. И вода в реке Вашке у поселка Ертом казалась тихой, почти озерной.

Коренастый седой человек, встав на коленки, помешивал деревянной ложкой похлебку в котелке над огнем и степенно говорил:

— Вот наловим рыбки, завтра воскресную уху сварим; а нынче из консервов сойдет. На фронте их уважали. Я и у партизан варил, даром что сапер. А еще раньше так самого Леонида Алексеевича Кулика потчевал, когда с ним за тунгусским метеоритом в тайгу ходил.

— Вы, дядя Крылов, за тунгусским метеоритом ходили? Это правда, что искали, да не нашли?

— А ты почему знаешь?

— Я всю информацию о тунгусском метеорите знаю. Что было можно, прочитал.

— Прочитал, прочитал! Читальщик прилежный, — проворчал старик. — Еще как искали. Я, Сережка, тогда вроде тебя мальцом был. В армию, как и ты, собирался. Нынче 1976 год идет. Почитай, полвека откинуть надо. Сынишка мой, Генка, через десять лет родился. Теперь в офицерах под Семипалатинском ляжку тянет. А тогда, слышишь, в тайге в том месте леса не осталось. Повален весь был. Как будто ураган сверху налетел. Посередке деревья, как телеграфные столбы, торчат. Только ветки с них как сдуло. А чуть подальше — сплошной лесоповал. Лиственницы лежат и

корнями в одно место показывают, на болото лесное. Сначала думали, метеорит туда упал, пробил мерзлоту и остался в глубине.

— Знаю. Вы слой вечной мерзлоты пробурили, а из скважины фонтан воды вырвался. Значит, слой мерзлоты не был поврежден, и под ним ничего не оказалось.

— Ишь как шпарит! Будто сам там был!

— А чего там делать? — вступил в разговор третий рыбак, сплевывая в костер. — Пни горелые разглядывать, что ли?

— Говорят тебе, не пни, а стволы вывороченные упали, как солдатики после взрыва самолетной фугаски. Ну, ладно, берите ложки, рыбаки! Пospела похлебка.

Не торопясь, зачерпывая деревянными ложками, рыбаки опорожнили котелок.

Короткая летняя ночь спустилась на реку, блеск воды угас, отражения на ней пропали, запахло сыростью. Костер тлел и дымил, отгоняя комаров. Улеглись все под ветром, спасаясь от гнуса.

Наутро Иван Кузьмич Крылов с Сережкой Зерновым вышли в лодке на середину реки, а Федор Бурунов остался один, спросонья зло пиная камни на берегу. Наконец он нагнулся и поднял с земли какой-то металлический предмет, серебристый с виду, тяжелый, величиной с кулак, и крикнул Ивану Кузьмичу:

— Ну чего, дядя Крылов, тракторы твои тут не видели? Разваливаются они у тебя на ходу.

— А ну покажь! — крикнул Крылов с лодки.

Но Федор уже принялся отбивать своей железкой от большого камня грузило. К величайшему его удивлению, из-под железки брызнул такой сноп белых искр, какого он в жизни не видел. Даже Крылов с лодки заметил это.

— Эй, Федька, чего зря балуешься? — крикнул старик.

— Это ты со своим сосунком балуешься, а я грузило себе отбиваю.

Он ударил по камню еще и еще раз. И снова посыпались ослепительные снопы искр.

— Чудно! — произнес старик и стал подгребать к берегу.

Сережка первым выскочил из лодки и подбежал к Федору.

— Это что же такое?

— Да вот, железка какая-то тут валялась. Споткнулся я об нее.

— Может, самородок какой! Геологам бы показать!

— Я те покажу! — пригрозил Федор. — Не ты нашел. И молчи в тряпочку.

Иван Кузьмич подошел и, решительно взяв у Федора найденный обломок, стал его рассматривать.

— Какой же это самородок? — начал он. — Понимать надо. Углы острые. Грани, значит. Видно, отломан от чего-то. А вот от чего, не пойму. То ли от кольца, то ли от трубы. Метр с гаком будет. Должно быть, с самолета свалилось. У нас тут и машин с метровыми трубами или кольцами нет, чтобы могли потерять такую деталь.

— С самолета или со спутника, — подсказал Сережка.

— А ты не вякай! Тебя не спрашивают, — огрызнулся Федор. — Моя железка-то.

— А зачем она вам? — наивно спросил Сережа.

— Зажигалки делать. Особенные. Знаешь, как пойдут!

Настоящего клева не было. Рыбы на уху едва хватило. Так домой в поселок с железкой одной и явились. Зато речным туманом вдоволь надышались, да и комаров покормили на славу. Им ухи не требуется.

Иван Кузьмич потом так рассказывал:

«В поселке у базы геологов Коми филиала Академии наук мужики галдят. И среди них одна баба, приезжая, в штанах, а коса на голове вроде венка закручена. Сережка, окаянный, не спросясь, к геологу шасть и про находку рассказывает. Тут геолог-мужик и баба с ним к Федьке Бурунову направляются. Так и так, мол, давай покажь.

Бурунов свое:

— Моя вещь, не отдам, зажигалки делать буду.

— Да зачем вам зажигалки? Если камень стоящий, я зажигалку свою отдам — японскую, с пьезокристаллом, вечную.

Федька Бурунов заинтересовался, почем такая в Москве идет.

— Да ее там и за деньги не купить, — сказал геолог и зажигалку вынул. Видная она, кажется, и впрямь заморская. Чуть надавил — огонь вспыхивает, чиркать не надо.

Показал Бурунов железяку. Очень она их удивила, но виду они не показывают, темнят. Бурунов даже забеспокоился, не передумали бы. А геологи все переглядываются друг с другом. И тут Федор не выдержал, спросил фистулою:

— Махнем? Али как?

Сделка состоялась. Серебристая находка перешла в руки геологов. Но о ней еще долго судачили в поселке Ертом, расспрашивая и Ивана Кузьмича, и Федора Бурунова, и Сережку Зернова. Впрочем, Сережка вскоре ушел в армию».

Прошли годы. Сергей Зернов вернулся из армии и поступил в Московский институт стали и сплавов, закончил его и стал работать сменным инженером на столичном заводе «Серп и молот».

В 1986 году он получил из Ертома письмо от Ивана Кузьмича Крылова. Старик напоминал о вашкской находке и просил Сережку узнать в столице судьбу «железяки», найденной на берегу Вашки. Геологи из института Коми филиала Академии наук сказали ему, будто еще тогда отослали диковинку в Москву.

На Сергея нахлынули воспоминания, снова пахнуло лесным ароматом, предутренней речной свежестью, дымком костра; перед глазами, словно наяву, возник поселок с деревянными домиками.

И он начал поиск. Один только перечень солидных учреждений, занявшихся исследованием ертомской находки, должен был говорить сам за себя.

Сергей Алексеевич побывал в своей «альма матер» — Московском институте стали и сплавов, повидался с заведующим одной из кафедр, своим любимым профессором, который и помог ему найти все три куса распиленного обломка.

В Институте ядерной геофизики и геохимии исследованием находки занимались в лаборатории Валентина Николаевича Миллера. Сам заведующий лабораторией, встретившись с Зерновым, сказал:

— Зная, Сергей Алексеевич, где и кем вы работаете, хочу сообщить вам, что при исследовании этого удивительного образца мы применяли самые тончайшие и современные прецизионные методы.

— Из чего же состояла наша «железяка»?

— Железяка, вы сказали? — усмехнулся ученый. — Должен вам сказать, что железа в ней обнаружено чуть-чуть десятых процента, но при этом окислов железа, непременно сопутствующих железу во всех земных сплавах и породах, в образце не оказалось: словом, очень похоже на то, что он неземного происхождения.

— Я еще и тогда подумал о космическом спутнике.

— О спутнике ли? — покачал головой Миллер. — Дело в том, что образец состоит из редкоземельных металлов. Поражает чистота этих редкоземельных составляющих.

Посетил Сергей Зернов еще и научно-исследовательский институт геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского, где ему сообщили, что вкрапления урана без всяких следов его распада в образце говорят за то, что ему не больше 100000 лет! Это почему-то разочаровало Зернова. Но в Институте физических проблем имени С. И. Вавилова несколько прояснили вопрос о возрасте находки. По наличию в нем тория и следов его распада можно было с уверенностью утверждать, что ему не меньше 30 и не больше 100000 лет.

У Сергея Алексеевича зрела гипотеза, и определение возраста образца в несколько десятков лет устраивало его больше.

Он задал Валентину Николаевичу Миллеру вопрос о том, может ли этот образец быть метеоритом, и получил ответ:

— Форма обломка с острыми краями и четкими плоскостями на изломе не совпадает с формой метеоритов. Редкие земли в них встречаются так же редко, как и на Земле, и отнюдь не в чистом виде. И наконец, теоретически метеоритов только редкоземельного состава существовать не может.

Разговор коснулся любимой темы Зернова — тунгусского метеорита. Версию о метеоритном происхождении космического гостя опровергала такая ошеломляющая подробность: в слоях торфа, относящихся к 1908 году, было обнаружено повышенное содержание редких земель, а в годовых кольцах деревьев того же года церия и лантана оказалось в 600 раз больше, чем в любом месте на Земле. Осев на почву, редкие элементы попали в древесину вместе с соками.

То, что находка не была метеоритом, Зернову стало совершенно ясно. Но родственность внутреннего строения взорвавшегося над Тунгусской тайгой тела и выпавшего на берег Вашки куска позволяла разыграть фантазии.

Сергей Алексеевич прекрасно знал, что, кроме появления гипотезы о взрыве инопланетного космического корабля над Тунгусской тайгой, для объяснения загадки было выдвинуто чуть ли не сто гипотез. Особенно популярными считались утверждения, что это все-таки был метеорит, рикошетом отлетевший совсем в другое место, и выдвинутая еще Астаповичем в тридцатых годах гипотеза о взрыве над тайгой ледяной кометы. Нельзя не вспомнить попытки академика Петрова объяснить взрыв мощностью в десятки водородных бомб вторжением в атмосферу снежного облака плотностью в сто раз меньшей, чем вода, хотя возможность прохождения такого облака через атмосферу более чем сомнительна. Выдвигались и смехотворные предположения о том, будто в тайге тогда пробудился грязевой вулкан или в воздухе произошел газовый взрыв, как в несчастном американском челноке «Челленджер». Ни одна из этих гипотез не объясняла всех аномалий тунгусской катастрофы.

В 1983 году на юбилейном заседании комиссии по метеоритам Сибирского отделения Академии наук СССР в Красноярске по случаю 75-летия падения тела ученые пришли к выводу, что все существующие гипотезы не объясняют отмеченной очевидцами петлеобразности траектории упавшего тела, радиоактивности деревьев и мхов, мутаций растений и насекомых, а также лучевого ожога, полученного людьми, находившимися на расстоянии почти в сто километров, что объяснялось бы только температурой в десятки миллионов градусов в точке взрыва. Такую оценку состояния вопроса об изучении тунгусского взрыва дал и академик Н. Васильев на заседании президиума Сибирского отделения Академии наук СССР в 1986 году, подводя итоги

многолетних исследований района тунгусской катастрофы, проводимых группой ученых под его руководством.

Всех этих подробностей Зернов сообщать деду Крылову не стал, а написал только, что «вашкскую железяку» во второй раз он нашел и о ней есть что рассказать, что специально для того приедет в отпуск с семьей в Ертом погостить и с дедом увидаться.

Так и произошло. В августе 1986 года инженер Зернов Сергей Алексеевич с женой Софьей и сынишкой Гришей (отцом ставшего знаменитым сто лет спустя академика Зернова) приехал в Ертом к старикам родителям.

У деда Кузьмича как раз гостил в отпуске сын-офицер Геннадий Иванович Крылов. Дед Крылов обрадовался, узнав о приезде Сережки Зернова. Несмотря на свои восемьдесят с лишним лет, старик затеял ехать на рыбалку.

— Там мне про «железяку» нашу и расскажешь, — объявил он.

Федора Бурунова в Ертоме давно не было. Он переехал в город, женился, детей завел. Говорят, жена из него человека сделала. О прошлом, да и о «находке» своей Федор, должно быть, не вспоминал.

И опять у костра на берегу Вашки сидели трое. И опять дед, встав на коленки, помешивал в котелке вечернюю уху.

— Вот, Генка, — он повернулся к сыну. — На этом самом месте мы и нашли «железяку». Федор нашел, был тут один такой непутевый. Ты там в своей математике теоремы разные отыскиваешь, а мы... Федор, значит, у нас на глазах такую диковинку нашел, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Так или нет, Сережка, говори?

— Вам, Иван Кузьмич, особенно интересно будет, потому что вы еще с Куликом тунгусский метеорит искали, а вашкская находка к нему отношение имеет.

— Тунгусский метеорит! — оживился Геннадий Иванович. — Так это вроде Великой теоремы Ферма. Никак не докажешь!

— С уверенностью пока ничего сказать нельзя, но рабочая гипотеза право на существование имеет. Из Сибирского отделения Академии наук СССР мне написали, что, если продолжить по карте линию полета тунгусского тела, то она пройдет как раз через эпицентр катастрофы и через Ертом.

— Вот это да! — восхитился дед Крылов. — Железяка вроде сродни будет тунгусскому метеориту? Мы там ни кусочка не нашли, а он тутотка лежал, на берегу Вашки нашей.

— Не вы одни там искали. Даже Сергей Павлович Королев, академик, отец нашей космонавтики, свою экспедицию туда посылал, чтобы ему кусок инопланетного корабля нашли.

— К нам, в Ертом, надо было ему пожаловать. Мы бы приняли с почетом.

— Кто ж знал, что вашкская находка и тунгусский метеорит вроде сродни, — продолжал Зернов. — Это я теперь удивляюсь, когда, узнав про следы того, что там взорвалось, услышал еще, что с вашкской диковинкой связь есть.

— Кака така связь? — всерьез забеспокоился дед.

— Железяка-то ваша не железякой оказалась, а сплавом редкоземельных элементов, в чистом виде на Земле не встречающихся. И получить этот сплав в земных условиях невозможно, нужны идеально чистые редкоземельные порошки и давление в сотни тысяч атмосфер. У нас таких технологий нет.

— Так, может, в Америке или где еще? — настаивал дед.

— Ив Америке нет. Ведь вы, Иван Кузьмич, сами говорили, что железяка выбита из кольца, цилиндра или из шара диаметром метр с лишним.

— Это верно, помню. Я, как саперским взглядом глянул, сразу определил. Если в столице к тому же пришли, знать, нет мне выхода в расход с годами. Вот так-то!

— Да, к этому и пришли специалисты. Только где же такую штуковину сделать могли?

— Стало быть, нам с неба «визитную карточку» преподнесли, на Вашкин берег сбросили, а мы и не раскумекали.

— В этом вся загадка. В этом и в том, как связать вашу находку с тунгусским взрывом.

— И с появлением десяти лун Джона Бигбю, разлетевшихся, как он определил, 18 декабря 1955 года, — вставил Геннадий Крылов.

— В день моего рождения, — обрадовался старик. — Вот это салют так салют!

— А вы, я вижу, следите за литературой.

— Мое хобби — математика, но я люблю все удивительное. Особенно когда оно рядом.

— Ежели человеку нечему удивляться, ему и жить скучно, — заключил дед.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Кассиопея осталась ночевать у Нади в ее «светелке» со скошенным под самой крышей потолком. Из открытого окна в комнату лился завораживающий лунный свет.

Надя легла в постель, а Кассиопея подошла к окну, глядя вниз на обрыв глубокого оврага, начинающегося у самой стены дачи.

— Смотришь, как с одиннадцатого этажа, — сказала она. — Даже жуть берет.

Надя не ответила.

Кассиопея распустила черные волосы, сняла свои цыганские серьги и села у окна, подперев рукой лицо.

Деревья были залиты платиновым светом и казались застывшими бурунами седого потока.

Снизу на нее пахнуло теплой свежестью ветерка.

— Голова кружится, а все-таки хочется, как Наташе Ростовской, пролететь над этими серебристыми купами деревьев. Жаль крыльев нет.

Внезапно Надя выскочила из-под одеяла и в одной ночной сорочке под села к подруге, прижавшись щекой к ее плечу.

— Звездочка, мне страшно, — проговорила она.

— Почему страшно? — удивилась Кассиопея. — Никто тебя не заставляет прыгать вниз.

— Нет! По-другому страшно! Я не хотела говорить, но... не могу. Я узнала ужасную вещь.

— Что с тобой, Наденька? Приснилось что-нибудь?

— Я не спала! Я думала! Ведь до старта звездолета осталось так мало времени! Ведь они покинут Землю навсегда!

— Лучше слушай своего деда или Константина Петровича. Они точно высчитали, когда твой штурман вернется из дальнего плавания.

— Он не вернется... при нас...

— Это почему же?

— Ты не поймешь. Звездочка! Это очень страшно! То, что я узнала.

Надя дрожала, озноб бил ее. Кассиопея крепче прижала подругу к себе, обняв одной рукой.

— Все дело в тех находках, которые сделал Никита и люди прошлого века на реке Вашке. Это у нас на севере. Там был найден обломок инженерной конструкции неземного происхождения, сделанный из сплава редкоземельных металлов.

— Ну и что в этом страшного? — спросила Кассиопея, глядя подружку по голове.

— Ты слышала когда-нибудь про атомные часы? Время там отмечается количеством распавшихся радиоактивных элементов. Еще в прошлом веке таким способом научились измерять время с точностью до четырнадцатого знака. Почти в любом земном или космическом веществе есть радиоактивные элементы, по которым можно судить о его возрасте.

— Предпочитаю, чтобы мой возраст определялся иным способом: по внешнему виду, а позднее — по числу детей. Но у меня их не будет, сколько бы Бурунов ни просил.

— В вашкской находке в 1976 году обнаружили торий и по следам его распада установили возраст сплава редкоземельных элементов в десятки лет. А теперь, снова вернувшись к нему, более точным способом — в сто семьдесят лет. Это означает, что он был сделан в 1906 году. Это мне только вчера Никита сообщил, не подозревая, что сам произнес себе приговор!

— Какой приговор? Ничего не понимаю!

— Пойми, Звездочка! Все очень просто. Взрыв в Тунгусской тайге произошел в тысяча девятьсот восьмом году. После установления идентичности состава вашкской находки с отложениями редких элементов в годичных кольцах уцелевших в эпицентре взрыва деревьев сомнения в том, что тунгусское тело было инопланетным кораблем, исчезло. К тому же вашкский кусок был найден на точном продолжении траектории тунгусского тела: его отбросило во время взрыва в том же направлении, в котором летел перед гибелью космический корабль. Выходит, звездолет с другой планеты взорвался всего через два года после его сооружения.

— Ну и что?

— А то, что он не мог за эти два года преодолеть расстояние в десятки и сотни световых лет от других звезд с их обитаемыми планетами до Земли.

— Но ведь долетел же их звездолет! Константин Петрович говорит, что звездолет может развить любую скорость.

— Долетел, потому что достиг скорости света, когда по теории относительности время останавливается. Он, разогнавшись, мог преодолеть любое расстояние без затрат своего времени. Так следует из теории относительности, которая оказалась верной. И предел скорости, а главное, сокращение времени при скорости света существуют!

— А тебе-то что? Ты чего страшишься?

— Страшусь того, что Никита, вылетев на звездолете и достигнув скорости света, будет жить при остановившихся часах.

— Так что, они часы починить не смогут?

— Не часы остановятся, а время. У них на корабле этого не заметят. А для нас с тобой пройдут десятилетия. Я стану дряхлой старушкой. Он, потягиваясь после сна, только утреннюю разминку будет делать, и, когда закончит ее, меня уже похоронят... и тебя тоже... и всех нас...

— Это лунная ночь нагнала на тебя страхи. Ложись спать. Я лягу вместе с тобой, чтобы тебе не было страшно.

— Звездочка, милая, как ты не поймешь! Это же все правда! Я могу потерять Никиту, если завтра не оповещу весь мир о трагической ошибке современной науки, отказавшейся от предупреждений теории относительности. Звездный рейс надо отменить! Никита должен остаться со мной!

— Поймай, поймай! Как ты сказала? Сообщить всему миру с трагической ошибке ученых? Это каких же ученых? Твоего деда, академика Зернова, и его первого ученика, профессора Бурунова? Это уже меня вплотную касается! Ты понимаешь, что говоришь?

— Прекрасно понимаю. Потому я и в ужасе.

— Теперь и я готова ужаснуться. Скомпрометировать собственного деда, разоблачить моего Бурунова, лишит его профессорского звания, превратит в научное ничтожество! Нет, дорогая моя! Я этого не допущу.

— Как это не допустишь?

— А вот так!

Кассиопея вскочила, проворно забрала со стула всю Надину одежду, захватила ее туфли и выскочила за дверь, заперев ее снаружи на ключ. И через дверь крикнула:

— Из-за своей блажи ты готова и меня сделать несчастной! Не получится! Тигрицу лучше не трогать, когда дело касается ее детенышей, а Константин Петрович на них рассчитывает. Улетит твой Вязов, утешись с любым из твоих воздыхателей, которых у тебя не меньше, чем у меня. Вот так! — И каблучки Кассиопеи застучали по жалобно заскрипевшим ступенькам.

Надя расплакалась. Она никак не ожидала такой выходки от лучшей подруги.

Если попробовать вырваться из закрытой комнаты, поднимется шум в доме, проснется больной дед, да и мама рассердится. Но ведь для того чтобы задержать звездный рейс, надо действовать немедленно!

Эта мысль поразила Надю. Действовать немедленно! Как жаль, что она не совершила свой подвиг зрелости и не получила браслет личной связи, а значит, не может вызвать Никиту! Ближайший аппарат связи, не считая дедушкиного, лишь на заброшенной железнодорожной платформе «55-й километр». Это не так уж далеко, но...

Надя полезла под кровать и достала заплочный футляр с любимым дельтапланом. Потом Надя, взобравшись на подоконник и держа в руках тонкую трапецию дельтаплана, нажала кнопку и словно выстрелила сложенным аппаратом в пустоту. Там, вверху, он раскрылся с легким звоном, как зонтик, натянув подвески трапеции.

Несколько секунд она, казалось, падала в овраг, но, подхваченная восходящим потоком «парного» воздуха, стала набирать высоту.

Выше, выше... По прямой от старой железнодорожной платформы, заброшенной после установления пригородного взлето-посадочного сообщения, не так уж далеко — километра три, не больше.

Надя долетела до Вори. Здесь воздушный поток снова подхватил ее и поднял над верхушками деревьев. Вот уже видна древняя насыпь железнодорожного полотна с блестящими в лунном свете полосками рельсов.

Надя приземлилась у самой платформы.

Сложив крылья дельтаплана, она поднялась по ступенькам и подбежала к будке с аппаратом связи.

Хорошо, что плата за пользование им давно отменена. Ведь в ночной сорочке у Нади не было ни крупных, ни мелких монет!

Никита Вязов, разбуженный неожиданным звонком Нади, был поражен ее требованием немедленно лететь на платформу «55-й километр», потому что «она здесь босиком, в одной сорочке, замерзла, и это касается всего человечества»!

— Надеюсь, всего одетого человечества? — осведомился Никита. — А если не отличаться от него?

— Я не могу. И мне холодно. Я убежала из дому.

— А теперь вместе будем в бегах?

— Конечно. У вас есть взлетолет для экстренных нужд. Попроси его у Георгия Трофимовича. Вы же спасатели!

— Но для этого нужно считать себя затерянной в космосе. Правда, и земной шар летит в космосе, так что, пожалуй, вызов можно обосновать.

В ответ Надя всхлипнула и выключила связь.

Чтобы пролететь пятьдесят километров, Вязову потребовалось всего четверть часа. За это время Надя успела замерзнуть от предутренней прохлады на заросшей травой скамеечке. Никита еле разглядел ее в сгустившемся тумане. Подойдя к Наде, он сказал:

— Вот в такой воинственной позе и надо спасти человечество!

— Мне холодно, — только и могла выговорить Надя.

— Приглашаю совершить подвиг в кабине взлетолета. Там теплее.

— Нет, — решительно сказала Надя. — Выслушай меня здесь!

— Может быть, если надеть мою куртку, твоя речь прозвучит убедительнее?

— А ты останешься без куртки?

— Как в космосе обойтись без парадной куртки?

— Ее ты больше не получишь!

— Как так? — удивился Вязов.

— Вот так! — В голосе Нади прозвучала недавняя интонация Кассиопеи. — Не по-лу-чишь! Потому что никуда не полетишь!

— Если только в этом смысл моей ночной спасательной операции, то головы мне не сносить. Бережной снесет.

— Ему придется снести другое — отмену вашего звездного рейса!

— Если даже вздремнуть здесь, то как можно такое во сне увидеть?

— Ты сам доказал, что ваш отлет невозможен...

— А не доказал ли я еще, что крокодил солнце проглотил. И какие доказательства я привел?

— А твои обломки? Один, взятый тобой в космосе, другой поднятый тобой же со дна реки, а третий, найденный еще сто лет назад на берегу Вашки? И как будто все они идентичны.

— Разумеется. Мы с тобой сразу сравнили их по старой газете.

— Полностью идентичны, да не совсем! Вашковский обломок, как определили по следам распада в нем тория, просуществовал будто, бы 30 лет, а современные обломки сто семьдесят лет.

— Верно. Но не я ли сообщил вчера уточненные данные о старом обломке? Все три его части обнаружены на складах научных учреждений, где когда-то их исследовали. И теперь установлено более точными методами, что возраст всех трех

частей старой вашкской находки те же сто семьдесят лет, что и у современных обломков космического корабля. Все они «близнецы»!

— В этом вся трагедия! Как, однако, холодно! Твоя куртка не греет. Пойдем в кабину. Зуб на зуб не попадает. Ты отвезешь меня к деду на дачу. Это все Звездочка! Испугалась, что я опровергну и деда, и ее Бурунова.

— Перевернешь, как Архимед, Землю? Точку опоры уже нашла? — улыбался Никита, усаживая Надю в кабину.

— Нашла! Знаешь в чем? В дате постройки чужепланетного звездолета!

— Может быть, выпьешь горячего кофе по случаю стосемидесятилетия со дня его постройки?

— В каком году?

— Надо думать, это был тысяча девятьсот шестой год.

— Вот-вот! К этому я и веду! Тут простая математика, Софье Ковалевской здесь делать бы нечего было, а я занялась.

— И что же? Бери, кофе уже согрелся.

— Откуда кофе?

— Из комплекта спасателей! Чудо-напиток! Так что же?

— А то, что в тысяча девятьсот восьмом году, когда инопланетный корабль взорвался над Тунгусской тайгой, со времени его постройки прошло только два года! Как же они могли долететь до Земли за это время от своей планеты, удаленной на десятки или сотни световых лет? Как?

— Ну а как кофе? А как озноб? Не простудилась бы ты.

— Вот и хорошо! Пусть умру! Зачем ждать старости? Ведь ты через тысячу лет придешь после возвращения из звездного рейса на мою могилу. Я попрошу зарыть меня где-нибудь здесь, у Аленушкиного пруда. Имей это в виду. Найдешь?

— Ты бредишь.

— Нисколько.

— Да пойми же ты!.. Если факты говорят о том, что инопланетяне прилетели из отдаленного космоса всего за два года, то они могли это сделать, лишь достигнув световой скорости, когда их собственное время почти остановилось и они преодолевали огромное расстояние без затрат времени (по их часам!), хотя на Земле сменялись столетия. Значит, сокращающееся время будет фактом и для тебя, и для Бережного, и для всех остальных спасателей. И вы полетите следом за папой в безвременье — по крайней мере для меня. Я попросила бы тебя рассказать папе, когда вы догоните его звездолет у далекой планеты, как я тосковала по нему, только не состоится ваш полет! Завтра, нет, уже сегодня об этом узнает весь мир!

— Что он узнает? Результаты неточных анализов, которые пересматриваются в отношении распада тория? Едва ли это окажется достаточным основанием для отказа от выполнения нашего долга спасателей. Ведь эйнштейновская теория относительности с ее ограничениями скорости и сокращением времени сдана в архив наукой, и твои доводы опровергают теорию не более чем наблюдение полета комара — теорию всемирного тяготения Ньютона. Пока нынешние взгляды науки не поставят под сомнение математики, тебя и слушать никто не станет.

— А ты? Ты тоже никто?

— Нет. Я слушаю тебя и удивляюсь. Оказывается, количество следов распада тория в образцах способно вызывать галлюцинации и стать поводом для измерения твоей температуры.

— Пожалуйста, не надо! Значит, ты считаешь, что ваш рейс можно задержать только математическим опровержением теории абсолютности, отказавшейся от ограничений Эйнштейна?

— По меньшей мере, нужно доказать, что взлет сброшенного с Земли камня и отталкивание земного шара от этого камешка — одно и то же. Словом, это почти то же, что обвинить вновь Коперника, выступившего против догм церкви с утверждением, будто Земля движется вокруг Солнца вопреки мнению Птолемея и обывательскому представлению, что Солнце всходит и заходит над Землей, и доказать, что все это будто бы одно и то же!

— И тогда ты не полетишь?

— А как же мне полететь, если земной шар, как мячик, отскочит от меня, и я, по Эйнштейну, останусь неподвижным?

— Останешься? — ухватила Надя за последнее слово... — Даешь мне слово остаться со мной?

— Слово даю, что истинно так говорю.

— Принято! Слово дал! Если существует факт, о котором я говорила, то должно существовать и опровержение того, что он ставит под сомнение своим существованием!

Никита Вязов, взлетев на своем аппарате с Надей, которая не забыла захватить сложенный дельтаплан, доставил ее в академический городок, где все уже переполошились и начали поиски пропавшей.

Кассиопея со слезами бросилась ей на шею.

— Иди к деду. Он с ума сходит, — строго сказала Наталья Витальевна.

Надя обернулась к Никите, стоявшему подле взлетающего, и помахала ему рукой:

— Ты дал слово! — крикнула она.

ТАЙНА НУЛЯ

Отправившись в университет, Надя захватила с собой складной дельтаплан, чтобы попасть на базу дельтапланеристов и там, уже вооружась, как она думала, представленным по ее просьбе профессором Дьяковым математическим доказательством существования «парадокса времени», долететь до Звездного городка и потребовать от Никиты выполнения данного ей слова — отказаться от космического полета. Но вместо желанного доказательства Дьяков передал Наде для опровержения теории абсолютности мысль о неучтенном отношении масс улетевающего и оставшегося тел. Она про себя назвала его «коэффициентом любви», поскольку должна была утвердить им выкладки Эйнштейна во имя своего чувства к Никите.

Однажды, летя на дельтаплане, она с математическим изяществом доказала теорему своего прапрадеда Георгия Ивановича Крылова. Тот увлекался недоказуемой Великой теоремой Ферма и пришел попутно к выводу, что число в любой степени раскладывается нацело на два других, в степени на единицу меньшую. Значит, на высоте все возможно!

Выбежав на балкон, откуда открывался старый город за излучиной реки, она даже не взглянула на небо, где предостерегающим веером протянулись перистые облака, предвещающая перемену погоды.

Дельтапланеристка прыгнула, развернув над собой крыло складного дельтаплана, и сразу почувствовала, что теряет высоту.

Она вложила в управление прозрачным крылом все свое мастерство и дотянула до обзорной площадки, откуда туристы наслаждались видом старого города за рекой, с высотными зданиями, увенчанными, как и башни Кремля, своеобразными шатрами — символами былой старины.

Промелькнула балюстрада обзорной площадки, и земля стала словно проваливаться под Надей. Это был склон Ленинских гор, ведущий к берегу реки. Здесь, как и рассчитывала Надя, ее аппарат попал в восходящий воздушный поток, позволивший ей набрать высоту.

Надя направила дельтаплан вдоль реки, чтобы подняться еще выше, и пролетела над метромостом, с которого прыгнул в памятный день Никита Вязов.

Дальше показалась старая теплоцентраль. Там теплый поток воздуха поможет подняться еще выше.

Неподалеку она вдруг увидела взлетолет, пассажиры которого с нарастающим удивлением следили за своим необычным воздушным спутником. Ведь полеты на дельтаплане были не приняты. Они казались слишком опасными из-за неудобства посадки.

Надя не думала о своем полете. Дельтаплан был послушен ее движениям. Она снова вспомнила разговор в кабинете Дьякова.

— Михаил Михайлович! — говорила она. — Мне совершенно необходимо, чтобы звездолет не вылетел, не унес в иное время... впрочем, неважно кого! Для этого требуется доказать, что Эйнштейн прав и что при достижении космическим кораблем скорости света происходит сокращение длин в направлении движения, чего я, признаться, понять никак не могу.

— Ну, в этом я могу вам помочь. Неверно говорить о физическом сокращении длин в направлении движения с субсветовой скоростью. Это все равно, что утверждать, будто человек превращается в лилипута, если на него посмотреть в перевернутый бинокль. Происходит не изменение размеров, а лишь их искажение, причем не только длины самого тела, но и масштаба длин в направлении этого движения. Сокращения воспринимаются лишь неподвижным наблюдателем, который смотрит словно через искажающий оптический прибор на удаляющееся тело и видит не реальные размеры мчащегося тела, а лишь его сплюснутое «изображение».

— Как в кривом зеркале? — обрадовалась Надя.

— Если хотите, в кривом, вернее, в цилиндрическом, изменяющем размеры лишь в одном направлении.

— Как в самоваре! Когда отраженные его поверхностью люди кажутся худыми, тощими. — И Надя украдкой взглянула на профессора.

— Если вы хотите сказать «вроде меня», — улыбнулся Дьяков, — то, пожалуйста, не стесняйтесь.

— А время? — взволнованно спросила Надя.

— Наблюдатель смотрит, если можно так выразиться, через «цилиндрическую деформирующую оптику» и воспринимает за правильные — на самом деле искаженные — размеры «изображенного» пространства, но звездолет в нем движется с реальной скоростью! И потому кораблю, чтобы преодолеть уменьшившееся в представлении наблюдателя пространство, потребуется меньше времени. Потому для земного наблюдателя время на корабле будет течь медленнее!

— Значит, «парадокс времени» существует, и улетевшие с субсветовой скоростью звездолетки вернутся уже после нас?

— Видите ли, считалось, что теория абсолютности, отбросившая постулат Эйнштейна о невозможности превзойти скорость света, представляет собой более

прогрессивное воззрение. А я вам сейчас докажу, что взгляды эти сдерживают развитие человечества.

— Как это?

— Если бы скорость межзвездного полета принималась ничем не ограниченной, то это ничуть не приблизило бы к человеку звездные дали.

— Почему? Ведь скорость может быть какой угодно большой?

— А разогнаться до нее нужно? С каким ускорением? Если космонавт посвятит разгону всю свою жизнь, то и в таком случае ускорение не может превысить ускорение земной тяжести. При этом скорость света достигается за год. Если разгоняться в течение, скажем, полувека, то за это время будет пройдено со средней скоростью в двадцать пять световых лет в год всего лишь тысяча двести пятьдесят световых лет, то есть около одной десятой пути до центра Галактики, где расположена наша Солнечная система. Вот и получается, что сторонники теории абсолютности вынуждены ограничиваться лишь крохотным уголком Вселенной.

— Значит, и в теории абсолютности есть предел?

— Да. Зато в теории относительности этот предел кажущийся. Как только наш космолет за год разгона достигнет скорости света, время у него остановится. Следовательно, за один миг он преодолеет любые расстояния в миллионы и миллионы световых лет и доберется не то что до ядра: нашей Галактики (каких-нибудь сто тысяч световых лет!), но и до туманности Андромеды и любых далеких галактик, квазаров и других загадочных объектов, видимых или еще не видимых в наши приборы. С позиции теории относительности Человеку доступен весь мир. С позиции теории абсолютности — один ничтожный закоулок.

— Но как доказать, что эта теория, сулящая человеку безмерное могущество, верна, и абсурдные положения, будто бы вытекающие из нее, вовсе не компрометируют саму теорию?

Профессор Дьяков рассмеялся.

— Что ж! Тут вам придется помогать самой себе! Видите ли, милая поклонница Софьи Ковалевской, в науке уже сейчас дебатруется вопрос о правомерности формул Лоренца, использованных Эйнштейном и принимающих в расчет лишь отношение скорости летящего тела к световой без учета отношения улетевшей и оставшейся масс — скажем, комара и земного шара, или раскрученного детского волчка и Вселенной. Попробуйте-ка так скорректировать формулы Лоренца-Фицджеральда, чтобы, не меняя получающихся с их помощью результатов, тем не менее учесть отношение масс улетевшего и оставшегося тел, чтобы их нельзя было поменять местами и поставить земной шар вместо комара!

Огромный город проплывал под Надей и одновременно двигался вместе с Землей и Солнечной системой, принадлежащей всей Вселенной с ее созвездиями и галактиками. Масса их определяется бесконечностью. Совершенно ясно, что Надя не в силах двигать всю Вселенную. Отношение же ее собственной массы, как и комара, к этой бесконечно большой Вселенной равно нулю!

Нуль! Что же это такое? Как вводить его в формулу, если он ничто? Впрочем, так ли это? Никита Вязов в шутку называл модули своего звездолета нулями. А эти нули должны были получать энергию «нулевого вакуума». Ведь каждая частичка вакуума характеризуется нулем, то есть отсутствием численных значений для его физических свойств, но это не значит, что их не было до соединения вещества и антивещества в кванты вакуума. По существу, вакуумный нуль — это результат сложения равных по значению, но обратных по знаку свойств материальных частичек вещества и антивещества! Значит, нуль может оказаться не просто нулем, а

следствием реальных процессов и действий, в том числе и математических! Природа не терпит пустоты. И нет этой пустоты в вакууме, состоящем из материальных квантов.

А ее «коэффициент любви», который оказывается равным нулю? Он получается не от вычитания, а от деления реальных значений массы летящего относительно Вселенной тела и массы этой Вселенной.

В чем же тайна нуля? Очевидно, в истории его возникновения. Ноль вакуума позволил произнести обратное действие — восстановить из квантов вакуума частички вещества и антивещества, а потом извлечь из них внутреннюю энергию связи, от взрыва которой уберегли человечество тот же Никита Вязов и его командир Бережной.

«Коэффициент любви», введенный под корень слагаемым со знаком минус, хотя и равен нулю, но не допускает перемены местами массы Вселенной и массы летящего тела, будь то комар или звездолет. Надя почувствовала, что нащупывает нечто новое, отличающееся от теорий относительности и абсолютности. Академик Зернов бесспорно прав, считая, что всякое движение происходит относительно Вселенной. Но Эйнштейн тоже прав. Парадокс времени существует!

И еще один любопытный вывод, увлеченно размышляла Надя. Представим себе, что из одной точки Вселенной разлетаются в противоположные стороны два космических корабля и каждый из них достигает предельной эйнштейновской скорости. Но ведь относительная их скорость, казалось бы, будет равна двойной скорости света! Не будет ли это опровержением эйнштейновских выводов? Будет, если опять-таки не учитывать масс. Дело в том, что нельзя исходить из того, что корабли разлетаются из некоторой абстрактной невесомой точки. Нельзя признать любой из этих кораблей неподвижным, поскольку он перемещается относительно первоначальной точки, принадлежащей Вселенной, которая обладает бесконечной массой. Нельзя рассматривать движение одной малой массы относительно другой, если обе эти массы меняют свое положение относительно Вселенной. Раскрытая тайна нуля обязывает относить движение к массе, равной бесконечности, иначе будет получаться математический абсурд.³

Однако от таких выкладок голова может пойти кругом.

Взглянув вниз, она похолодела: город остался где-то позади, как и теплый поток воздуха, поднимающийся от него — от его зданий, улиц, промышленных предприятий, наконец, от его рек.

Под дельтапланом плыл сплошной зеленый массив — результат лесонасаждений последних ста лет.

Куда ее занесло? Где Звездный городок? Она слишком увлеклась математикой и, придя к открытию, не может теперь сообщить о нем Никите. А через день-два будет уже поздно.

Но как сесть в лес? Она однажды уже повисла на сосне. Что это блестит за лесом? Водохранилище? Пожалуй, это еще хуже! Придется садиться на берег.

Но дельтаплан, словно испугавшись предстоящей посадки, затрепетал. Ветер! Ветер, который принесли веерообразные перистые облака, не замеченные Надей. Вихрь завладел дельтапланом и с яростной силой понес его неведомо куда!

Она уже не летела, а падала, падала на водную гладь.

³ По теории относительности субсветовые скорости кораблей — X и Y складываются не арифметически, а по формуле

$V = (X+Y) / (1 + XY/C^2)$, тогда при $X=Y=C$, $\rightarrow V=C!$

То есть относительная скорость кораблей всегда меньше или равна световой.

Удар был сильным. У Нади помутилось в глазах. Она плашмя ударилась о воду, от боли слезы заволокли глаза. Судорожно глотнула воздух и... ушла под воду.

Надя с ужасом поняла, что тонет и что теперь никто не придет ей на помощь, спрыгнув с высокого моста.

А как же тайна нуля? Уточненная формула Лоренца с «коэффициентом любви»? Новая теория, которую она открыла? И Никита, вернувшись через тысячу лет, даже не сможет разыскать водохранилище, в котором она утонула!

Собрав последние силы и преодолевая боль, Надя вынырнула, глотнула еще раз воздух, поняв, что сейчас уйдет в воду навсегда... и вдруг увидела протянутую сверху чью-то руку.

На гибкой лестнице, выброшенной с неизвестно как оказавшегося здесь взлета, к ней наклонилась фигура элегантного человека со светлыми кудрями до плеч.

Бурунов? Откуда?

Надя хотела было, как и в прошлый раз, отрицательно замотать головой, но... Никиты Вязова рядом не было, и она воспользовалась предложенной помощью.

Константин Петрович Бурунов помог ей ухватиться за гибкую лестницу, зацепившись сам за верхние ступеньки ногами и придерживая Надю за мокрые плечи руками.

Потом спасатели взлета включили механизм, втягивающий лестницу. Сразу несколько рук помогли Наде забраться в кабину, где она без сил упала на пол.

Надя не знала, откуда появился здесь профессор Бурунов, но это был именно тот человек, который мог понять ее. И, застав, она произнесла:

— Константин Петрович! Я открыла тайну нуля.

— О чем вы говорите, милая Надя? Сейчас вам лучше находиться в покое.

— Я нашла «коэффициент любви».

— Вы явно бредите, дорогая. Постарайтесь отвлечься.

— Нет, это не бред! Выслушайте меня. Надо задержать рейс звездолета.

— Поверьте, Надя, легче остановить Луну.

— Ну вот! — рассердилась Надя. — На этот раз бредите уже вы, а не я!

— Еще раз умоляю вас, постарайтесь забыться, — говорил Бурунов, давая ей понюхать протянутый одним из спасателей флакончик.

Надя почувствовала, что все плывет перед глазами.

— Куда доставить? — спросил командир спасателей.

— Я думаю, что придется прибегнуть к транквилизаторам. Приступ начался еще перед прыжком с университетского балкона.

— Тогда в «приют спокойствия».

— Я не хочу, не хочу в «приют спокойствия»! — Надя, как ей казалось, кричала, хотя на самом деле только шептала.

— Успокойтесь, милая Надя. Как только я узнал в университете о вашем неосторожном прыжке с балкона, я вызвал взлет спасателей, дежуривший около метро, и мы полетели следом. Нам удалось догнать вас, когда вы, кружась, набирали высоту. Потом мы не упускали дельтаплан из виду. К счастью, нам удалось вовремя прийти на помощь. Этот ветер мог наделать бед! Вы скоро вернетесь к Виталию Григорьевичу, который уже все знает, поскольку я с ним связался по браслету личной связи.

— Нет, дедушка еще не все знает! Вы с ним первыми должны узнать и о «тайне нуля», и о «коэффициенте любви».

— Опять бред! — воскликнул Бурунов. — Какое несчастье!

— Это вовсе не бред! Не смейте так говорить! Это отношение масс комара и земного шара.

— Какой ужас! — в отчаянии воскликнул Бурунов. — Какой-то комар и земной шар! — И уже другим тоном добавил: — Мы с Кассиопеей завтра же навестим вас в «приюте спокойствия». Вы проведете там день-два. У современных психиатров есть удивительные средства. Подождите до завтра...

— Завтра может быть уже поздно! Звездолет готовится к старту! А его надо задержать! Я говорю вам об этом, а вы как будто не слышите. Надо сообщить всем о «тайне нуля».

Взлетолет опустился на лесной полянке. От белого дома с колоннами к ним спешили люди в белых халатах.

Они подвезли к взлетолету носилки-каталку. Потом осторожно переложили Надю на них. При этом боль во всем ее теле вспыхнула с новой силой.

Рядом с носилками шли Бурунов и седоусый врач, принимавший пациентку.

— Я требую, я настаиваю, чтобы меня выслушали, — твердила Надя.

— Я полагаю, профессор, для успокоения пациентки надо пойти ей навстречу и выслушать, — обратился к Бурунову врач.

Когда через некоторое время Надю перенесли в кровать, Бурунов сел у изголовья, терпеливо выслушал ее сбивчивый рассказ о том, как она догадалась в полете ввести в формулу Лоренца под корень квадратный отношение масс улетевшего и оставшегося тел. Отношение это равно нулю, поскольку в знаменателе стоит бесконечная масса Вселенной. Поэтому результат формулы не изменится. Однако поменять местами массы улетевшего и остающегося тела, то есть произвольно считать одно из них неподвижным невозможно, поскольку в этом случае выражение станет мнимым.⁴

Бурунов все прекрасно понял. Теория абсолютности академика Зернова, с которой он связал свою научную деятельность, действительно может оказаться под ударом, если всерьез отнестись к этому «математическому бреду». И он решил, что обнаружение его ничего, кроме вреда, не принесет. Вместе с тем надо было успокоить Надю и направить ее мысли по другому руслу. И он стал убеждать ее:

— Я в восторге, Надя, от сделанного вами открытия.

— Я вам верю, Константин Петрович, — обрадовалась Надя. — Вы спасли не только мою жизнь, вытащив меня из воды, но и нечто более важное — научное обоснование для отмены вылета корабля. Как истинный ученый, вы не можете не видеть что теория абсолютности опровергается моим открытием.

— Милая Надя, в том-то и дело, что в строго научном плане все обстоит совсем наоборот, — это был вдохновенно придуманный Буруновым ход. — Ваше открытие на самом деле подтверждает правильность теории абсолютности вашего деда. Виталии Григорьевич прекрасно поймет это, а научный мир отдаст вам должное. Вы нашли именно то, чего не хватало Виталию Григорьевичу. Ввели отношения масс, доказав,

⁴ Формула Лоренца, преобразованная Надей Крыловой, приобрела вид:

$t = t_0 \cdot \sqrt{1 - v^2/c^2 - m/M}$; при $M = \infty \rightarrow m/M = 0$,

где m — масса улетевшего тела,

M — масса неподвижной Вселенной,

v — скорость улетевшего тела,

c — скорость света.

t — время на улетевшем теле,

t_0 — время на оставшемся теле.

что всякое движение надо рассматривать только относительно всей Вселенной, находящейся в относительном покое.

— Как так? — встревожилась Надя. — Разве только такой вывод можно сделать из того, что я вам рассказала?

— Разумеется! Я сейчас же сообщу академику Зернову о ваших выводах. Он искренне обрадуется, уверяю вас.

— Обрадуется? Почему?

— Потому что вам удалось в первой же посылке в ваших рассуждениях наиболее верно ввести ваш коэффициент масс сомножителем к отношению квадратов скоростей в подкоренной величине, которая после этого превращается в единицу, а значит, время на корабле становится точно таким же, как и на Земле. [.../Program Files \(x86\)/FictionBook Editor/main.html - n 5](http://.../Program Files (x86)/FictionBook Editor/main.html - n 5)⁵

— Нет! Нет! — запротестовала Надя. — Совсем не так! Как вы не понимаете! Отношение масс нужно вводить не сомножителем, а слагаемым! «Тайна нуля» состоит в том, что ноль получается от деления улетевшей массы на бесконечную массу Вселенной. Мне нужно объяснить все это деду, он не сделает ошибочных выводов. Где моя одежда? Она, наверное, уже высохла! Позовите сестер здоровья! Я должна переодеться и лететь к деду.

— Я уже сообщил Виталию Григорьевичу о вашем состоянии. Он искренне опечален этим. Я думаю, что врачи позаботятся о вас именно здесь.

— Тогда позвольте мне воспользоваться вашим браслетом личной связи, чтобы рассказать обо всем дедушке.

— Простите меня, Надя, но ведь вы, как никто другой, должны знать, что я не имею права разрешить кому-либо пользоваться браслетом, предоставленным мне лично для связи с теми, у кого такое право есть. Я сожалею, что вы не успели еще совершить свой подвиг зрелости, но ваше подтверждение теории абсолютности может быть приравнено к такому подвигу.

— Тогда передайте академику сами то о чем я вам говорю.

— Хорошо, я передам Виталию Григорьевичу все ваши соображения, но при этом предполагаю, что он согласится со мной и выразит вам свою благодарность за новый аргумент в пользу теории абсолютности, делающий отлет звездолета еще более обоснованным.

Надя отвернулась от Бурунова и, уткнувшись лицом в подушку, горько заплакала. Она не могла доказать, сомножителем или слагаемым должен войти в формулу ее «коэффициент любви».

РАДИОЛЕДИ

Профессор Джордж Хьюш-младший, худой, поджарый, с аскетическим лицом, с коротко стриженной головой размашистым шагом шел по мокрой улице.

Лил обычный лондонский дождь, и профессор старательно прятал под зонтиком только что приобретенные утренние газеты. Вся корреспонденция профессора пересылалась на его кембриджский адрес, но каждый уик-энд, уезжая с женой в Лондон, он неизменно отправлялся до завтрака за газетами, совмещая столь необходимую для здоровья и бодрости прогулку с приобщением к утренним новостям.

⁵ По Бурунову получилось бы:

$t = t_0 \cdot \sqrt{1 - v^2/c^2 \cdot (m/M)}$; при $m/M=0 \rightarrow t=t_0$, то есть сокращения времени нет!

В старом длинном трехэтажном доме было множество подъездов с отдельным входом в каждую квартиру. Профессор любил этот дом и за его старомодность, и даже за приобретенный им на закате эры автомобилей благородный темный налет.

Мистер Хьюш поднялся на крыльцо и открыл дверь в квартиру.

Войдя в переднюю, поставил на пол мокрый зонт, повесил под оленьими рогами длиннополое пальто, положил на столик перед зеркалом шляпу, тщательно стряхнул капли с костюма и прошел в большую парадную комнату нижнего этажа. Он не забыл взглянуть на лестницу, ведущую в верхние этажи, — на втором были спальни супругов, а на третьем — комната Мэри, которая сейчас в отсутствие родителей в радиообсерватории следила за круглосуточными записями автоматов большого радиотелескопа, неустанно изучающего Вселенную.

Мистер Хьюш сел около старинного, заботливо разожженного женой камина, чтобы, вытянув длинные ноги, дать им отдохнуть, а заодно просмотреть газеты.

Из кухни, размещенной в полуподвале на домашнем лифте, поднялась миссис Джосиан Белл, руководившая вместе с ним радиообсерваторией, а дома им самим, достаточно непокорным и строптивым, но оставляющим обычно последнее слово за нею.

Она вкатил в парадную комнату, служившую Хьюшам одновременно гостиной и столовой, приготовленный ею завтрак — поджаренные тосты, овсяную кашу и кофе в дымящемся кофейнике.

Мистер Хьюш, словно обжигаясь углями в камине, время от времени вскрикивал, комкая газету, и бросал ее на шкуру бенгальского тигра, присланную старшим сыном из какой-то экспедиции и красовавшуюся теперь на полу.

Почтенного профессора вывели из себя крикливые заголовки в газетах.

«Снова маленькие зеленые человечки и опять в той же Мальбарской обсерватории Кембриджского университета».

«Мисс Мэри Хьюш-Белл, дочь руководителей Мальбарской радиообсерватории приняла сигналы из космоса, протянув руку братьям по интеллекту».

«Радиоледи» оправдала свое прозвище, начав диалог с «инопланетянами».

Даже солидная «Таймс» вещала:

«Следует ли признать, что мы не одиноки во Вселенной? Что жизнь на Земле отнюдь не уникальна? Очевидно, надо ожидать нового раунда дискуссии между материалистами и теологами».

В Ватикане вспомнили о созданной еще в двадцатом веке комиссии космического миссионерства, которой предстоит теперь вплотную заняться обращением в истинную католическую веру космических аборигенов.

Профессор Джордж Хьюш повернулся к жене.

— Послушайте, что эти бумагомараки еще вчера вечером писали о том, о чем мы с вами и не подозревали.

И, захлебываясь от переполнявших его чувств, он не слишком внятно стал читать:

«Прелестная мисс Мэри Хьюш-Белл, стажер Мальбарской радиообсерватории Кембриджа, оправдывает два своих прозвища: „Диана со стриженной головкой“ и „Радиоледи“. Она, кстати сказать, является еще и председателем „Лиги связи с космическими братьями“, возникшей после принятия ею же сигналов „инфракрасных человечков“, оказавшихся терпящим бедствие на околоземной орбите русским космонавтом. Но теперь сигналы

переданы действительно издалека и точно повторяются через определенные промежутки времени. Можно поздравить нашу Мэри Хьюш-Белл, „Радиоледи“, которая, отказывая в руке своим современникам, ищет в космосе... щупальца».

— Что вы можете сказать по этому поводу, уважаемая профессор Джосиан Белл? Как могла ваша дочь дойти до того, чтобы дать повод для подобных публикаций, не поставив даже меня в известность о своих наблюдениях?

— Я готова объяснить вам это позже, уважаемый профессор Хьюш, когда мы перейдем к научной сути случившегося, а пока я хотела бы напомнить, что речь идет не только о моей, но и о вашей дочери. В соответствии с так уважаемыми вами научными традициями она как самостоятельный стажер радиообсерватории имеет полное право распоряжаться сделанными ею наблюдениями, не испытывая пресса чьей-либо цензуры.

— Ах, так! — воскликнул профессор Хьюш, резко отодвигая недопитую чашку кофе и отказываясь от неизменной овсяной каши. — Тогда немедленно отправляемся в Кембридж. Нам предстоит провести совместное расследование. Собирайтесь, а я пока выкачу из гаража велосипед.

Миссис Хьюш-Белл за долгие годы супружества прекрасно изучила своего супруга и знала, как бесполезно сейчас возражать ему. В частых семейных сражениях у нее выработалась своя тактика, всегда приносившая желанный результат. Поэтому она изобразила на лице полную покорность и пошла переодеваться в дорожный костюм.

Вскоре двухместный велосипед с закрытым от дождя верхом двигался по лондонским улицам, давно избавившимся от отравляющих воздух автомобилей. Их заменили электромобили, в поток которых предстояло влиться и супружескому экипажу, имевшему настолько обтекаемые формы, что в нем без особого напряжения сил можно было держаться за электромобили, почти не отставая от них.

Супруги дружно налегали на педали и могли обмениваться репликами только на вынужденных остановках перед перекрестками.

— Почему я должен из газет узнавать о каких-то радиосенсациях во вверенной нам радиообсерватории? Почему, спрашиваю я и не слышу ответа. Если стажер обсерватории, хотя бы им была наша дочь, принял какие-то сигналы из космоса, то это не должно приравниваться вами к мяуканью ваших любимых котов на крыше, а имеет, я бы сказал, еще и научное значение.

Светофор открыл супругам путь, я вопрос профессора Хьюша остался без ответа, ибо работа ногами требовала размеренного дыхания, о чем бывший спортсмен всегда заботился, вместе с тем требуя от супруги старательной помощи.

Только за чертой Лондона мистер Хьюш смог удовлетворить свое законное любопытство.

— Может быть, почтенный профессор Хьюш учтет, что Мэри сообщила о своих наблюдениях по крайней мере одному из руководителей радиообсерватории, то есть мне, и это смягчит ее вину перед вами?

— Ни в коей мере! — воскликнул профессор Хьюш. — И я скажу ей все, что о ней думаю, и не остановлюсь даже перед решением приостановить ее стажировку в радиообсерватории, чтобы в другой раз она не пренебрегала моим мнением.

— В том-то и дело, уважаемый профессор Хьюш, нам с Мэри ваше мнение было заведомо известно.

— То есть как это так? — еще больше возмутился Хьюш.

Миссис Хьюш кротким голосом пояснила:

— По нашим с Мэри многолетним наблюдениям, вы, уважаемый профессор Хьюш, как нам кажется, склонны считать, что наука может двигаться только спиной вперед.

— Что? По вашему мнению, я могу только пятиться вперед?

— Не только вы, но и вся представляемая вами наука.

Тут супругам снова пришлось налечь на педали, чтобы войти в поток электромобилей на шоссе.

— Вы, может быть, считаете, что и сейчас мы пятимся в направлении Кембриджа? — нарушая режим дыхания, выпалил профессор Хьюш.

— Вовсе нет. Мы с Мэри имели в виду вашу приверженность научным традициям и вашу уверенность, что все новое рождается только из анализа пройденного, чем и обусловлено, образно говоря, движение спиной вперед, которое ничем не хуже движения лицом вперед, когда не видно, что осталось позади.

— Сзади остался Лондон. Дышите ровнее, не задыхайтесь. Постарайтесь вспомнить наши прежние велосипедные прогулки, сблизившие нас. Ваше несогласие с моими доводами не дает вам права замедлять ход. Прошу налечь на педали. В конце концов, я имею право получить ответ не только от профессора Джосиан Белл, но и от стажера Мэри Хьюш-Белл.

И снова миссис Белл уступила мужу, прекратив спор, зато веломобиль неся в потоке электромобилей, не уступая им в скорости.

Наконец они доехали до радиообсерватории.

Когда профессор Джордж Хьюш вошел в свой кабинет, в котором сейчас Мэри сидела за его столом, склонив стриженую головку над утренними газетами, по всей видимости, не в первый раз перечитывая их, он воскликнул:

— Что это может значить?

Мисс Мэри подняла свои невинные глаза на отца и с обезоруживающей улыбкой ответила:

— Только то, па, что эти газеты прочтут в Канаде.

Хьюшу все сразу стало понятно; когда Мэри была еще студенткой, этот канадский стажер, красавец с модными кудрями до плеч, слишком много внимания уделял ей (он выдумывал для нее всякие прозвища вроде «Дианы со стриженной головкой» или «Радиоледи»), скрывая при этом, что у него в Канаде остались жена и двое детей. Может быть, в Канаде свои представления о джентльменстве, но у профессора Хьюша в этом вопросе не было расхождений со своей дочерью. Он поощрял ее стремление преуспеть в радиоастрономии больше мужчин и особенного одного из них — коварного Генри Гвебека.

Однако профессор Хьюш не мог так просто отказаться от своего возмущения, вызванного пренебрежением к нему как к руководителю радиообсерватории только из-за того, что он всегда был чужд псевдонаучных сенсаций.

— Я понимаю вас, — сказал, сдерживая себя, мистер Хьюш, — но не откажите в любезности пояснить, почему мне не удалось при каждодневном просмотре записей автоматов увидеть якобы принятые вами сигналы?

— О, это очень просто, па! Вы всегда оставались в своем собственном времени.

— В каком же еще времени прикажете мне оставаться? — заворчал мистер Хьюш.

— Я имею в виду, что сигналы с населенных миров могут приходить из другого масштаба времени.

— Из другого масштаба времени? Вы что? Воскрешаете теорию всеми забытого Эйнштейна?

— В самом деле, — ответила Мэри, все так же невинно глядя на отца, — почему бы не допустить, что во Вселенной могут существовать миры, движущиеся относительно нас с субсветовыми скоростями? В этом случае посланные от них сигналы будут приняты у нас необыкновенно растянутыми.

— И чтобы их распознать, вы делали ускоренную перезапись радиосигналов?

— Вы совершенно правы, па. Ведь я ваша ученица, как и ученица миссис Белл тоже, — добавила она, глядя в сторону матери.

— Разумеется, разумеется, вы дочь и ученица своих родителей. Значит, чрезвычайно замедленные радиосигналы проходили мимо моего внимания?

— Не только вашего, па, но и мимо внимания всех радиоастрономов мира, по преимуществу, как мне кажется, мужчин.

— Конечно, мужчины среди них преобладали, в отличие от нашей радиообсерватории, где я в меньшинстве, — недовольно согласился мистер Хьюш.

— Ускоренные перезаписи принятых нашим радиотелескопом сигналов дали удивительную картину. Вы сами увидите ее сейчас.

Семья ученых в полном составе направилась по крытой галерее к радиотелескопу.

Аппаратная меньше всего напоминала обычную обсерваторию с куполом и гигантским телескопом, у окуляра которого астрономы, познающие Вселенную, проводили бессонные ночи.

Радиотелескоп работал при любой погоде, и сигналы с него записывались в этом зале, напоминавшем автоматическую диспетчерскую какого-нибудь завода или энергостанции.

При первом же взгляде на запись с повторяющимися всплесками радиосигналов профессор Хьюш закричал:

— Вот-вот! Так я и знал! Вот отчего появился библейский миф о том, что женщина создана из ребра мужчины!

— Вы получили в таинственном радиопослании из космоса разъяснение по этому поводу, уважаемый профессор Хьюш? — не без иронии спросила его супруга.

— Если хотите, то именно так! — торжественно заявил мистер Хьюш.

— Хотелось бы их выслушать.

— А разве самим вам, двум женщинам, непонятно, что здесь сделано все наполовину, как и вообще свойственно женской половине?

— Половине чего? — голос миссис Белл, утратив прежние кроткие интонации, лучше всего говорил о том, что она вряд ли оценила по достоинству каламбур супруга.

— Половине человечества, — нашелся мистер Хьюш. — Я имею в виду, дорогие мои леди, что работа сделана наполовину потому, что перезапись надо ускорить вдвое.

— Зачем? — удивилась Мэри. — И этой скорости, которой так трудно добиться в наших условиях, вполне достаточно, чтобы по одному виду сигналов судить о том, что их автор, несомненно, разумное существо.

— Этого мало, почтенные леди. Мало, ибо запись пока сделана не в звуковом диапазоне, а надо, чтобы она зазвучала, как голос из космоса.

— Голос из космоса? — обрадовалась Мэри. — О, па, я недаром всегда хотела походить на вас! Ведь это вызовет еще большую сенсацию. Какой же у них голос, какой?

— О, это нам предстоит услышать, и очень скоро. У меня есть свои соображения относительно того, как это сделать, — уже деловым тоном заявил профессор.

Обе женщины с нескрываемым восхищением смотрели на него.

Возможно, это был тот редкий случай, когда в их семейном и научном споре последнее слово осталось за ним.

ГОЛОС ИЗ КОСМОСА

Когда Надю выписали из «приюта спокойствия» и она приехала домой, мать встретила ее на крыльце. Наталья Витальевна молча обняла повисшую у нее на шее дочь.

— Ну хватит, хватит, — она гладила вздрагивающую от рыданий Надю. — Вернулась живой — это главное.

— Мамочка, милая! Я больше никогда, никогда не буду!

— Никогда? — сквозь выступившие слезы спросила Наталья Витальевна с горечью. — Трудно поверить. Разве что поумнееешь и поймешь, что твоя жизнь принадлежит не только тебе, но и деду, и маме твоей, которая папу уже утратила, а за деда трясется... Кстати, дед твой велел передать, что в наказание ты должна его где-то там в парке найти для разговора без свидетелей.

— Мамочка! Я ведь знаю, ты добрая-предобрая, а строгостью только прикрываешься... для виду. Я тебя поцелую и побегу, а Звездочка с Константином Петровичем пусть цветочки дедушкины полиют! Или просто подышат их ароматом.

— Беги уж! Мы тут как-нибудь до обеда управимся. Обед я заказала на всех, скоро привезут.

Надя побежала в парк привычной дорогой. За усадьбой к пруду уходила аллея огромных, каждое со своей оградкой, деревьев. Конечно, здесь, на заветной скамеечке, и сидел, опершись подбородком о палку, ее дед с самой мягкой душой на свете!

— Дедушка! Вот я вас и нашла!

— А я и не прятался. Но велел тебе сюда прийти, чтобы поблагодарить.

— Меня? За что? Я думала, отругать...

— Ругать — это особо. А благодарить за коэффициент масс, введя который в формулу, ты показала, что подкоренная величина превращается в единицу и нет никакой относительности с нелепыми постулатами. Спасибо тебе.

— Это вам так Бурунов рассказал?

— Да, Константин Петрович, причем с восхищением! Говорит, ты тайну нуля открыла: не пустота он вовсе, а следствие реальных действий. Ретроспекция.

— Ну и ну! — покачала головой Надя. — Значит, он вам только про сомножитель сказал?

— Разве еще что-нибудь было?

— Было! И в этом самая главная тайна! Я назвала отношение масс «коэффициентом любви»...

— Как? Как назвала?

— «Коэффициентом любви», потому что ради своего чувства к Никите хотела с помощью этого коэффициента доказать, что звездолет исчезнет в другом масштабе времени и Никита ко мне не вернется, а потому не должен улетать.

— Вот так «коэффициент любви», с позволения сказать! — воскликнул, ударяя себя по колену, академик. — Да он у тебя «коэффициентом разлуки» стал!

— Почему «коэффициентом разлуки»? — почти сквозь слезы спросила Надя.

— Да потому что ты же сама и показала, как, будучи сомножителем подкоренной величины, он допускает любую сверхсветовую скорость движения, при этом отношение скоростей все равно умножается на нуль, и весь корень превращается в единицу. И это лишь ускорит отлет спасательного звездолета и станет еще одним доказательством моей безусловной правоты.

— В том-то и дело, дедушка, что вы правы только наполовину. Об этом вам и не сказал профессор Бурунов.

— То есть как это наполовину? — нахмурился академик.

— Вы правы только в том, что нельзя перенести неподвижного наблюдателя с большей массы на меньшую, скажем, с земного шара на летящего комара.

— Разумеется. Тебе хвала, что ты это убедительно доказала математически. Очевидное труднодоказуемо.

— Но в остальном прав Эйнштейн! Никому не превзойти скорости света, не будет у наших звездолетчиков, достигших субсветовой скорости, того же масштаба времени, как у нас с вами на Земле, тщетно их ожидающих.

— Это почему же, позвольте узнать? — грозно спросил Виталий Григорьевич, тяжело поднимаясь со скамейки.

— Дедушка, милый, не сердитесь на меня. Ничего я еще не доказала. Я только хочу ввести свой «коэффициент несчастной любви» не сомножителем, а слагаемым, притом со знаком минус.

— Похвальное намерение, — отдуваясь и сердито глядя вслед прошедшим мимо женщинам, он снова сел на скамейку. — Стало быть, пока что ты академика Зернова еще не раздела в научном плане донага и в Африку не пустила?

— Доказательств против вас у меня нет... пока...

— Пока? — снова нахмурился старый ученый.

— Да, пока... до появления факта, высшего и единственного авторитета в науке.

— Мудрые эти слова академика Павлова Ивана Петровича! Мудрые... Нынче научные деды для научных внучат неавторитетны. И правильно!

Академик оборвал себя и, привычно опершись подбородком о набалдашник прогулочной палки, задумался.

После долгой паузы наконец он сказал:

— Ты вспомнила про авторитет факта по Павлову, более обобщенно можно сказать о конечном авторитете природы во всяком вопросе! Без участия природы, видимо, задача решена быть не может. Ты как бы шла по кругу и пришла к начальной точке, где Эйнштейн ввел постулат непревосходимой скорости света. Я отверг этот постулат как недоказанный, сам доказательств противного не имея. А ты с чисто женским изяществом выразила наш спор лаконичным математическим приемом. И снова встал коварный вопрос: куда нулик поставить. И оказалась теперь ты перед искушением произвола, как и твои научные пращуры. Я сейчас мысленно корил себя, что сам до твоих выводов не додумался. А может, зря корил? Требуют они, как видим, согласования с матушкой-природой, с милостиво представленным ею фактом.

— Я это понимала, дедушка, но не смела высказать. Все главные возражения против теории относительности опирались на произвольность выбора места неподвижного наблюдателя. У меня они отпадают. Но суть теории Эйнштейна благодаря этому остается чистой и неприкосновенной вместе с ее постулатами и выводами. Увы, не превзойти никому световой скорости, не вернуться в свое родное время нашим звездолетчикам! — И Надя всхлипнула.

Старику стало жаль ее, и он, сердясь на себя, снова откинулся на спинку скамьи, словно впервые рассматривая внучку:

— Удивительная ты у меня, Надежда Крылова! С одной стороны на тебя посмотреть — девчонка девчонкой с веснушками и глупыми фокусами, которые тебе сходят с рук. А с другой стороны, мудрец мудрецом, хоть в тунику дельфийской пифии наряжай. Скажу я тебе: если появится факт в твою пользу, то станешь ты автором не какой-нибудь теории относительности или абсолютности, а теории абсолютной относительности.

Сказав это, академик склонил голову, как будто к чему-то прислушиваясь. Действительно, тихий сигнал был вызовом браслета личной связи на руке академика. Виталии Григорьевич приложил браслет к уху. Лицо его стало серьезным.

— Немедленный вызов к видеозэкрану. Чрезвычайное событие. Спешим. Англичане начали прямую передачу из Мальбарской радиообсерватории очень важных космических сигналов.

У академического дачного городка их встретила парочка: идущие под руку Бурунов с Кассиопеей.

— Скорее, спешите к обеду, — начал Бурунов. — Наталья Витальевна...

— Да, да, скорее! Включайте видеозэкран. Бегом, — задыхаясь, произнес Зернов.

Когда все вошли в столовую, на экране появилась привлекательная, коротко остриженная девушка.

— Леди и джентльмены! — послышался мужской голос за экраном. — Позвольте представить вам стажера Мальбарской радиообсерватории, мою дочь мисс Мэри Хьюш, которой мы с супругой, уважаемой профессором Джосиан Белл, как руководители радиообсерватории, предоставляем слово.

— Почтенные коллеги! — звонко начала Мэри. — Нашей радиообсерватории удалось принять космические радиосигналы, чрезвычайно растянутые во времени. Появилось предположение об их разумном происхождении — при условии, что они переданы из другого масштаба времени.

Она говорила по-английски, и хотя все присутствующие владели этим международным, как и русский, языком, профессор Бурунов нашел нужным переводить все сказанное, прокомментировав последние слова Мэри возгласом:

— Как это из другого масштаба времени? Науке такие масштабы неизвестны.

Академик шикнул на него, и он замолчал.

— Расшифровка сигналов нами еще не завершена, — продолжала Мэри Хьюш. — Однако важность этого сообщения из космоса заставляет нас привлечь внимание всего научного мира, ибо лишь общими усилиями можно добиться успеха в расшифровке весьма несвязных обрывков.

— Ну же, ну! — торопила англичанку Надя, которая чувством своим уже угадывала смысл этих загадочных отрывков.

— Я надеюсь, что меня со вниманием слушают и в России, и в Америке, и в Канаде... — Она на мгновение задержалась на последнем слове, но, сразу же вдохнув воздуха, продолжала: — Первоначально наша аппаратура на очень большой скорости,

компенсирующей несоответствие масштабов времени, записала вот такие излучения. Мы выбрали лучшую из повторяющихся записей.

На экране возникла бегущая лента с всплесками сигналов отдаленно напоминающих электрокардиограмму, которую видел каждый. Однако идеальной четкости в этой записи не было, хотя схожесть отдельных всплесков доказывала их искусственное происхождение. Особенно заметны были большие пропуски, когда сигналы исчезали.

— По инициативе одного из руководителей радиообсерватории — моего отца, почтенного профессора Джорджа Хьюша-младшего сигналы были переписаны с еще большей скоростью, чтобы перевести их в звуковой диапазон. После ряда попыток нам все же удалось услышать голос из космоса, с которым мы и решили ознакомить наших коллег в Европе, Азии, Южной Америке и Канаде, — с ударением на последнем слове закончила она.

— По-видимому, это обрывки земной речи, — снова зазвучал мужской голос, и на экране появился теперь сухой и седой профессор Хьюш-младший.

— К сожалению, леди и джентльмены, наше знание земных языков оставляет желать лучшего, а потому мы обращаемся ко всем в надежде, что они лучше нас могут решить новую космическую загадку. Наша торопливость объясняется тем, что мы не исключаем возможность того, что послание представляет из себя «сигнал бедствия».

— Сигнал бедствия! — в ужасе воскликнула Надя. — Я так и знала!

— Мы уже разослали всем радиообсерваториям мира указание на режим, в котором нам удалось принять космические сигналы, чтобы при их повторе или при анализе прежних незамеченных записей можно было бы судить о смысле принятых обрывков скорее всего русской речи, судя по первому слову, близкому к названию романа писателя Гончарова, а также несомненно русских слов «был» и «рыло». Едва ли нас можно упрекнуть в повторе «космического ребуса». Мы с моей супругой, профессором Джосиан Белл, находим, что вторичное обнаружение Мальбарской радиообсерваторией радиосигналов, ускользнувших от общего внимания, говорит в ее пользу, тем более что сто лет назад такой же случай привел к открытию пульсаров — нейтронных звезд. Особенно символичным нам представляется расшифровка нашей недавней записи о инфракрасном диапазоне, оказавшейся прекрасным русским словом «Надежда», и мы хотим, чтобы надежда и на этот раз осветила принятое нами загадочное послание, звуки которого вы сейчас услышите.

Профессор Хьюш исчез с экрана, и на нем снова появилась бегущая лента с записанными радиовсплесками. Одновременно послышались шумы, треск, хрипы и отдельные слова или обрывки их.

Бурунов догадался включить магнитофон.

«... ОБРЫ... РА... ПОМ... БЫЛ... НУ... СЕР... РЫЛО...»

— Здесь что-то не так! — заметил профессор Бурунов. — Другой масштаб времени — это же антинаучно! Скорее отражение и искажение в космосе земных сигналов Эффект Штермера. Начало XX века.

— Я не знаю расшифровки этого послания, но последнее слово никак не рыло, это подпись — Крылов. Папа жив!

— Тогда этот факт для новой теории, — заметил академик, выразительно взглянув на внуку.

— Обрыв? — сказала Кассиопея. — А я думала, что в космосе гладкая дорога.

— Я лечу в Звездный комитет, — объявил академик. — Вас, Константин Петрович, попрошу с помощью Нади запрограммировать мой компьютер на расшифровку послания. Все-таки миллиард попыток в секунду! Разгадает!

Наталья Витальевна и Кассиопея убирали со стола нетронутые тарелки.

СОТРЯСЕНИЕ НАУК

Дворец науки, расположенный в лесу над Москвой-рекой вместе с другими академическими зданиями, был архитектурной моделью Солнечной системы.

В центре научного городка высилась огромная сфера — своеобразное здание в десятки этажей, которое, олицетворяя собой Солнце, словно зависло в пространстве, ни на что не опираясь. Ее прозрачные, подсвеченные изнутри колонны казались не опорами, а направленными на Землю пучками ослепительных лучей.

Поодаль, на круглых лесных лужайках, изображающих разные планеты, располагались академические институты с величественными мраморными фасадами и скульптурами на античные мифологические сюжеты: крылатого бога, выходящей из мраморной пены прекрасной богини, могучего титана, удерживающего над землей небесный свод, кроваво-красного бога войны в шлеме и с мечом в руке, грозного повелителя богов, разящего с вершины Олимпа сверкающими молниями...

Взлеты по негласному правилу никогда не опускались близ храма науки, доставляя пассажиров лишь к окраине «Солнечной системы», откуда им приходилось идти пешком.

Никогда прежде Бурунов не проклинал, как сейчас, эти «старческие причуды» академиков. Он спешил, шагая по узеньким пешеходным дорожкам, то и дело переходя на бег.

Добравшись до парящего в воздухе шара, он поднялся в лифте внутри прозрачных колонн на тридцать третий этаж, где располагался президиум Объединенной Академии наук.

В небольшом, со строгой простотой отделанном зале собрались многие ученые с мировым именем, а также Звездный комитет в полном составе, экипаж спасательного звездолета и руководители Штаба перелета.

На трибуне стоял академик Зернов. Низкий голос его звучал глухо и торжественно.

— Не устаревают слова академика Ивана Петровича Павлова: «В науке нет никаких авторитетов, кроме авторитета факта». Ради признания такого факта мы и собрались сейчас здесь. Всю жизнь ученого я посвятил утверждению теории абсолютности и ниспровержению теории относительности Эйнштейна. И вот теперь, не имея времени на исследования и дискуссии, я во всеуслышание объявляю, — академик повысил голос: — Вся моя научная деятельность до сегодняшнего дня была ошибочной. Я не заслуживаю всех присужденных мне званий и почестей, ибо вынужден отречься от теории абсолютности, опровергаемой фактом передачи сигнала бедствия с пропавшего звездолета, оказавшегося при достижении субсветовой скорости в ином масштабе времени. — Вздохнув, Виталий Григорьевич продолжал: — В науке отрицательный результат — все же шаг вперед, пусть полученный даже ценой целой жизни. Главное состоит в том, что ставший сегодня достоянием физики двадцать первого века факт оказался сигналом бедствия. Его передал из другого масштаба времени, в который перешел, достигнув субсветовой скорости, пропавший звездолет. Потеряв управление из-за обрыва троса, он мчится по инерции в бездны Вселенной. Догнать его на спасательном звездолете можно, но такая экспедиция равнозначна уходу спасателей навсегда из нашего времени. Теория

абсолютности оставила бы всех в неведении об этом. Теперь мы не вправе игнорировать создавшуюся ситуацию и вынуждены привести свои теоретические взгляды в соответствие с самыми последними данными. Свой вклад в устранение наших заблуждений внесла юный математик Надежда Крылова. Впрочем, по возрасту она недалеко ушла от Альберта Эйнштейна, когда он создал свою теорию относительности. Она нашла изящный математический прием, отводящий все возражения (в том числе и мои) против теории относительности, на которых и строилась теория абсолютности. При решении вопроса о судьбе исчезнувших звездолетчиков теперь следует отталкиваться от раскрытой Надеждой Крыловой «тайны нуля».

И академик познакомил ученых с существом Надиных выводов.

Сидя рядом с Еленой Михайловной у видеоэкрана, Надя вдруг расплакалась. Она прилетела в Звездный городок, чтобы передать деду на заседание комитета расшифровку «голоса из космоса». Получив ее, дед сразу же полетел на заседание президиума Объединенной Академии наук, а Надю из Дворца звезд увела к себе домой Елена Михайловна.

Мать Никиты обняла ее за плечи.

— Что с вами, Надя? Ведь вы, насколько я понимаю, оказались правы! Это всеобщее признание! Или это слезы счастья?

— Нет! Вовсе нет! — всхлипывая, ответила Надя. — Мне жаль дедушку. Какой он благородный, сильный!

— Но ведь ваше открытие верно? Не так ли?

— Ах, лучше бы я ошиблась! Наш... наш Никита, — начала было Надя, но умолкла, глядя на видеоэкран.

— Внимание! Прошу слова для чрезвычайного сообщения! — раздался в зале взволнованный голос.

Академик Зернов нахмурился:

— Это профессор Бурунов Константин Петрович. Мой ученик и продолжатель. Надеюсь, он не собирается настаивать на наших прежних заблуждениях.

— Именно это я и собираюсь сделать, уважаемый Виталий Григорьевич и уважаемые коллеги! Защитить научную истину и непререкаемый авторитет академика Зернова, обратив сенсационный факт, о котором он только что говорил, в ничто. Для этого я прошу слова.

— Кто это? Кто? — заволновалась Елена Михайловна.

— А-а! Это Бурунов, воздыхатель нашей Звездочки. Но это не он, это все «Пи»!

— Какой «Пи»?

— Ну, Пифагор. Мы его так зовем.

— Пифагор? Древний ученый?

— Нет, так называется компьютер, расшифровавший «голос из космоса».

— Нас ознакомили с расшифровкой, которую предложил персональный компьютер академика Зернова, запрограммированный мною и упомянутой здесь Надеждой Крыловой. «Обрыв буксира помощь была бы нужна в серьезной беде Крылов». Если исходить из того, что первое и последнее слова правильны, легко подобрать и остальные, чтобы получилась просьба о помощи, которая включала бы в себя обрывки слов, зафиксированные радиотелескопом Мальбарской обсерватории. Но... я позволил себе продолжить с помощью компьютера эксперимент по расшифровке. Достаточно мне было познакомить компьютер с некоторыми стихотворными произведениями поэтов нашего двадцать первого и предшествующего ему столетия, как я получил от него совсем другие расшифровки, которые и позволю

себе привести. — Бурунов достал из карманов модной куртки ворох бумаг. — Обращаю ваше внимание, — продолжал он, — на то, что первый фрагмент «ОБРЫ» вовсе не обязательно должен расшифровываться как «Обрыв», а последнее слово «Рыло» может быть просто Рылом, а не Крыловым. В самом деле:

*«День кобры ревущей запомнить забыло,
Вновь ринувшись к сердцу, бесстыжее рыло!»*

Не подумайте, что это набор слов. Я отыскал эти строчки в стихах популярного в начале двадцать первого века поэта Анатолия Фразы. А вот стихи уже современного поэта, неведомо как вернувшиеся к нам из космоса:

*«Обрыв и горе — воспоминанье о былом!
Нужно ли сердцу бедному крыло?»*

Проверяя самым придирчивым образом, мы убедимся в точном соответствии этих строк, рожденных чувствами и воображением поэта, с обрывками речи, которые были приняты нами за сигнал бедствия. Никакого сигнала бедствия, да и космической катастрофы не было! Нет нужды посылать звездолет на выручку по сигналу, в котором вторая строчка взята из популярной в прошлом веке песенки:

*Добрыня горемыке напомним о былом.
Качну серебряным тебе крылом.*

Как видите, все, что угодно, можно подобрать по обрывкам речи. И с рифмой, и без рифмы!

Президент Академия наук, повернувшись к Бурунову, спросил:

— Не ответит ли в таком случае профессор Бурунов, почему сигналы, о которых идет речь, дошли до нашей планеты столь растянутыми во времени?

— Охотно, уважаемый президент и уважаемые коллеги. Я отвечу, как вы понимаете, научной гипотезой, и надеюсь, что после ее подтверждения грядущими исследованиями явление, ставшее причиной загадочных сигналов, будет названо «эффектом Бурунова».

Шорох прокатился по залу президиума.

— Я шучу, разумеется! — спохватился Бурунов. — Правильнее говорить о давно известном эффекте Штермера. Вы помните, что в начале прошлого века на Земле принимались сигналы, которые были посланы когда-то с нее и вернулись обратно, отразившись от неизвестного космического образования. Мы сталкиваемся с чем-то подобным, но, видимо, все-таки коренным образом отличающимся от эффекта Штермера. Другими словами, если когда-то в космос ушли сигналы с текстом приведенных мною стихов, то, пройдя сквозь неизвестные нам по своим свойствам космические среды, они замедлились. Вспомним об уменьшении скорости распространения света и радиоизлучений в разных средах. Можно предположить существование в вакууме и такой среды, которая в состоянии замедлить проходящие через нее сигналы. Уже сто лет известны флуктуации скорости света и вакуума, учитываемые в морской навигации. Вполне вероятно, что в «полупрозрачных» для радиоизлучений галактических областях передача электромагнитного возбуждения от одного кванта вакуума к другому тормозится, и это приводит к резкому уменьшению скорости во много раз! Я полагаю, что сигналы, принятые нашими английскими коллегами, как нельзя лучше доказывают правильность выдвинутой мной гипотезы. Буду счастлив, если мне удалось рассеять тучи, сгустившиеся над безупречной теорией абсолютности, отказываться от которой по меньшей мере преждевременно, даже если отказ исходит от самого авторитетного из ее создателей — академика Зернова. Признателен за оказанное мне внимание, рассчитываю на то, что высказанные мной идеи подтвердятся после глубоких и всесторонних исследований.

И профессор Бурунов, чрезвычайно довольный собой, сошел с трибуны.

В зале ощущалось некоторое замешательство.

Недоумение овладело людьми и у видеоэкранов.

— Как же все это понимать, дорогая моя Надюша, наделавшая такой переполох в храме науки? — спросила Елена Михайловна.

— Я не верю «Пи». Просто Константин Петрович воспользовался его фокусами в своих целях.

— Значит, его стихотворные расшифровки неверны?

— Конечно! Никогда машина не сравняется с человеком, потому что в состоянии лишь отсчитывать по указке варианты, и никогда не поднимется до интуиции ученого, поэта, влюбленного человека, наконец! Компьютер может «думать», но не «придумывать»! Гадать, перебирая все возможности, но не отгадывать с ходу!

— И все-таки что же теперь будет?

— Ах, если бы я знала! — воскликнула Надя.

Созданный в двадцатом веке международный космический Центр был расположен у подножия Гималайского хребта.

В заоблачной выси, куда не залетали и орлы, работала его космическая радиообсерватория, обслуживающая все космические рейсы.

Главный радиоастроном — смуглолицый и бородатый Рамеш Тхапар любил говорить, что он гордится тремя обстоятельствами, связанными с высотной радиообсерваторией. Его телескоп был ближе к звездам, чем все земные. Радиообсерватория располагалась даже выше сказочной Шамбалы, которая находилась где-то здесь в синих горах с белыми вершинами, но пряталась за легендарным туманом и была почти недоступна. И наконец, острил завзятый альпинист, все дороги из радиообсерватории вели вниз.

Он жил уже пятый год в «заоблачном эфире», вдвоем с женой и двумя помощниками, которые сменялись каждые полгода. Радиотелескоп круглосуточно прощупывал Вселенную. Здесь не было радиопомех. На гималайской высоте, в единственном месте в мире, существовала идеально чистая связь с космосом. («Как в Шамбале» — шутил ученый.)

Потому Рамеш Тхапар, «Махатма Тхапар», как называли его помощники, поручил жене и бородатым «мальчикам» (брились здесь лишь перед спуском на Землю) проверить все записи радиотелескопа в те дни, которые были указаны англичанами из Мальбарской радиообсерватории.

И вот с одной из гималайских вершин пришла в адрес Объединенной Академии наук радиограмма:

«Высотным радиотелескопом международного космического центра в Гималаях принято сообщение из космоса. После расшифровки на большой скорости получен такой текст: „Обрыв буксира. Помощь была бы крайне нужна в нашей серьезной беде“.

Крылов».

Эта радиограмма, полученная в Москве во время заседания президиума Объединенной Академии наук, была оглашена президентом вскоре после объявленного за выступлением профессора Бурунова перерыва. Начавшиеся было прения прекратились.

Надя расширенными глазами смотрела на Елену Михайловну.

— Что? — спросила та.

— Разница всего в одно слово. Помощь не просто нужна, а крайне нужна. Я же вам говорила, что «Пи» только все спутал, потому что обрывки радиogramмы допускали любые варианты, на которые «Пи» мастер.

— И что же будет теперь? — глядя на девушку, спросила Елена Михайловна.

— Не знаю! Ничего не знаю! — воскликнула Надя.

ОБРЫВ

У костра сидели трое.

Высокие облака над нежно-оранжевой частью неба были темными, но края, освещенные уже зашедшим солнцем, казались раскаленными добела. Вода в реке была спокойной, почти озерной. У берега чуть покачивалась на воде лодка.

Невысокий, плотный, одетый в жесткую рыбацью робу человек, встав на колени, помешивал деревянной ложкой похлебку в котелке.

— Не беда, коль, рыбы не наловивши, уху не сварим, — посмеиваясь, говорил он. — Нам к консервам за год пора привыкнуть. А от похлебки настоящим земным духом пахнет. Да и окружающий пейзаж...

— Да уж красиво, что говорить! — низким басом произнес высокий худой мужчина в припасенной для рыбалки ватной телогрейке. Лицо у него было длинное, скуластое и суровое. — Только звезд не видно, — вздохнул он.

— И от них отдохнуть не мешает, — отозвался первый.

— Дядя Крылов, — вступил в разговор третий, самый молодой. — Вы ведь позволили себя так называть.

— А как же! На рыбалке — как на рыбалке! Без звезд и чинов.

— Это верно, что дед ваш или прадед Крылов, кажется, Иван Кузьмич, в тайгу за тунгусским метеоритом вместе с самим Куликом ходил? Примечательный, должно быть, человек был?

— Кое-что о прадеде своем знаю. Простой, но себе на уме был старичок. Желудем себя называл, дескать, от желудей дубы пойдут.

— Так и получилось.

— Эй, Галлей, меду командиру не лей! — вставил высокий.

— Нет здесь командиров, рыбаки одни, — добродушно произнес Крылов. — А с тунгусского метеорита для нас все и началось. Особенно после одной находки во время такой же вот рыбалки, даже вроде бы на этом самом месте, если хотите знать.

— Редкоземельный кусок инопланетной инженерной конструкции! — обрадованно воскликнул Галлей. — Найден обломок цилиндра в тысяча девятьсот семьдесят шестом году на реке Вашке, — и он показал рукой на лодку с уключинами и веслами, лежащими на ее дне. — За тысячу километров от Тунгусской тайги, но точно на продолжении траектории взорвавшегося над нею тела.

— И все-то он знает, наш Галлей! — пробасил высокий.

— На то он и физик. Однако похлебка, друзья, поспела. Помянем добрым словом погибший над Землей когда-то инопланетный звездолет неведомых героев!

— Звездолет — вряд ли, — возразил Галлей. — Скорее всего, они его оставили на околоземной орбите, а спускались на вспомогательном модуле. Он и взорвался.

— До чего же сказки живучи! — заметил высокий. — Сотни лет им нипочем.

— Я эти сказки, Федор Нилыч, еще дома по первоисточникам прове... — горячо начал Галлей, но замолк на полуслове.

Внезапно «на берегу» что-то произошло. Все трое сидевших у костра вместе с котелком взлетели на воздух, тщетно пытаясь обрести равновесие и вернуться назад.

Одновременно река, берег с лодкой, тускнеющая заря и речной туман исчезли, обнажив экраны, на которых только что с поразительной реальностью в объеме и цвете воспроизводилось голографическое изображение далекого земного пейзажа...

У звездолетчиков стало традицией уединяться в свободные часы в каком-нибудь земном местечке, с завораживающей достоверностью возникавшем с помощью голографии вокруг них в отсеке отдыха. И легко было воображать себя на прогулке, вспоминать родную Землю, вызывать к жизни воображением дорогие им памятники, знакомые улицы города или неизвестные дотоле земные чудеса: водопады, диких животных, бродящих в зарослях как будто совсем рядом, или, наоборот, такие уголки, желанные «земные» пристанища звездолетчиков во время полета.

Теперь все исчезло вместе с тяготением. Раньше оно создавалось тягой технического модуля через стокилометровый буксир. Летя впереди, технический модуль разгонялся с ускорением, равным ускорению земной тяжести, привычным для людей. Потому они и ощущали себя как бы в земных условиях. Теперь ускорение исчезло, и нарушилось энергоснабжение. С круглого потолка отсека вечернего «северного неба» тускло светила лампочка аварийного освещения.

Котелок плавал в воздухе между потерявшими вес людьми, а разлившаяся похлебка превращалась у них на глазах в большие и маленькие горячие шары, начинавшие жить самостоятельной жизнью внутри отсека отдыха.

— Что случилось, командир? — тревожно спросил Галлей.

— Ты физик корабля. Тебе первое слово, — отозвался Крылов.

— Видно, что-то с техническим модулем приключилось? — предположил штурман корабля Федоров.

— Едва ли, — возразил Галлей, отталкивая от себя все еще обжигающий котелок. — Скорее всего оборвался буксир.

Только сейчас физик со штурманом заметили, что командира звездолета не было рядом. Ловко перебирая руками по потолку, он двигался к пульту управления и уже оттуда крикнул:

— Обрыв, полный обрыв — и буксира, и кабеля управления.

— Но как это может быть? — поразился штурман. — Обрыв кабеля в пустоте? Что он, о звезды перетерся, что ли?

— Не о звезды, а о кванты вакуума, — заметил Галлей, не столько напуганный, сколько увлеченный необычностью происшедшего.

— Хватит удивляться! — прервал командир. — Надо перейти на аварийное радиоуправление.

— Есть перейти на радиоуправление, Я уже у аппаратов, командир. Но радиосвязи с техническим модулем тоже нет!

— Меняй частоту! Ищи! Надо во что бы то ни стало дать разгонным двигателям команду «стоп», не то улетит наш «передок» неведь куда. Что с обратной связью?

— Один шум и треск в ушах. Оглохнуть можно! У всех приборов обратной связи стрелки на нулях. И компьютер на аварийную ситуацию зря сработал. Его команда не была принята ведущим модулем.

— Очевидно, виной этому электромагнитная буря небывалой мощи в вакууме, — заметил Галлей.

— Думаешь, потому и радиосвязи у нас с Землей нет? — обернулся к нему командир.

— Не только. Обрыв буксира также из-за бури.

— Ну, Вася Галлей, это ты уже загнул, — заметил Федоров. — Пустота, она и есть пустота.

— Однако внутривакуумную энергию из этой «пустоты» наш беглый технический модуль извлекал и отталкивался от «пустоты».

— Вот-вот! — подхватил Федоров. — В том-то и дело, что «беглый»! Удирает он от нас! Командир, терять время нельзя! Пусть Вася все обмозгует, а мне позволь в скафандр влезть — и в открытый космос за беглецом. Дам двойное ускорение. Как-нибудь переживу, а сто километров при наших пройденных парсеках — ерунда! Рукой подать!

— Нельзя! Нельзя догонять модуль в скафандре! — запротестовал Галлей.

— Почему? — возмутился штурман.

— Да потому, что скорость любого тела, в том числе и модуля и скафандра, не может превзойти световую!

— Эк куда хватил! Старина-то какая! Ты бы еще древнегреческие мифы вспомнил.

— Это не миф! Командир, это... это моя тайна. Я потом открою ее вам. Только не отпускайте его. Он будет приближаться к улетевшему модулю и никогда, понимаете, никогда не приблизится к нему, как бы ни старался. Это закон природы.

— Стоп, — прервал Крылов. — Так не из-за твоей ли тайны мы нашу связь с Землей потеряли! Без магнитной бури!..

— Двустороннюю потеряли, но нас они услышат, правда, с запозданием.

— Эйнштейна вспомнил! Ладно, потом разберемся с твоей тайной. Пусть нас с запозданием услышат на Земле, но дать им знать о случившемся — наш долг. Штурман, передавай сообщение об аварии. Проси помощи, но поделикатнее!

— Есть передать сообщение! — отозвался штурман. — Я уже подготовил. Подпишите, командир.

— Давай, — Крылов взял протянутую ему планшетку и, передавая ее обратно, сказал: — Выходи в эфир немедленно...

— Эх, сколько же энергии израсходуется! — произнес Галлей, смотря на тусклую аварийную лампочку. — В темноте останемся. Аккумуляторов надолго не хватит.

— Важно, чтобы нас хватило. А темнота? Что темнота! Слепые в крошечной тьме живут, а у нас звезды будут. Неиссякаемые источники света. Наше аварийное освещение до прилета ребят с Земли.

Двенадцать раз выходил Федоров в эфир, передавая сигналы бедствия на Землю.

— Не может быть, чтобы нас не услышали, — заключил он, покидая свой пост.

Ложились спать в спальном отсеке на своих койках. Чтобы удержаться на них в невесомости, решили обвязаться ремнями.

— Ну, командир, — обратился к Крылову Федоров. — Какую же тайну имел в виду наш Вася Галлей?

Звездолетчики не говорили о том, что обречены на вечное скитание среди звезд в темноте, что будут один за другим умирать от голода и низкой температуры, когда кончатся запасы еды и энергии, — они беседовали, казалось бы, о совершенно постороннем, о какой-то личной тайне одного из них.

Однако тайна Васи Галлея, как оказалось, была для них не такой уж посторонней.

— Твою тайну, Вася, не так трудно разгадать, — говорил Крылов, обращаясь в темноте к молодому физику. — Наблюдал я за тобой, когда ты бывал у меня дома. Зачастил ты по довольно понятной причине.

— Нет, нет, Алексеи Иванович! Не из-за вашей Нади!

— И это знаю, что не из-за дочурки моей рыженькой, а скорее всего из-за подружки ее, Звездочки.

— Да, Кассиопеи, — со вздохом признался Галлей.

— Пстой, пстой! — вмешался еще не спавший штурман. — Выходит дело, несчастная любовь нашего доброго молодца Васю Галлея нам подкинула? Звездочка какая-то его к звездам привела?

— Выходит, так, — согласился Крылов. — Но я заметил в тебе, Васенька, еще и теоретические колебания между профессором Дьяковым и академиком Зерновым.

— И что же? Почему в таком случае вы взяли меня с собой?

— То, что ты решил вернуться на Землю в другом столетии, уже без гордой и недоступной красавицы, ясно как день. Ну а я-то считал, что мы вернемся в рассчитанный академиком Зерновым срок, а что касается Галлея...

— Эх, Галлей, Галлей, — с укором пробасил штурман. — Непутевая твоя голова!

— Вот эта «непутевая» голова нам в рейсе нужна будет, рассудил я. Но виду не подал, что тебя разгадал. Вот и вся твоя тайна, — закончил Крылов.

— Моя, может быть, и вся, но наша общая, Алексей Иванович, еще впереди, — сказал наконец Галлей.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Крылов.

— Закон природы описывается теорией относительности. И только ее мы должны учитывать теперь при всех наших расчетах.

— И это я уже усвоил, Галлей. Жаль, что мы с тобой раньше не договорились.

— Жаль, — согласился Галлей.

— Тогда давай сообразим, почему обрыв буксира произошел?

— Можно выдвинуть гипотезу. Штурман говорил о пустоте. Но почему из этой пустоты мы энергию извлекаем, от нее отталкиваемся? Да потому, что она материальна и в известных условиях может становиться вещественной.

— Ясно, материальна, — вставил Федоров. — Но почему вещественна?

— В вакууме проносятся электромагнитные тайфуны! При малых скоростях возбужденные ими кванты вакуума незаметны, но при субсветовой скорости они должны ощущаться как возникающие на пути ничтожные крупинки вещества с их физическими свойствами.

— Стоп, стоп, Вася! Не загибай! Тут и без банальной бури все объяснить можно. Похитрее! — вмешался штурман. — Мы, радисты, флюктуации скорости света в различных частях вакуума уже сто лет учитываем. Не в ней ли дело? Если скорость света становится то больше, то меньше, возникают рывки. Вот и причина обрыва буксира!

— Нет, Федор Нилыч! Не выйдет! — возразил Галлей. — Мы с вами не радиоизлучение, а физические тела, разгоняемые до скорости света. Мы достигаем этого предела, а не скорость света разгоняет или притормаживает нас. Это флюктуация предела, а не физическое его воздействие на наш полет. Так что никаких рывков от этого быть не может.

— Так уж и не может, — упрямо возразил Федоров.

— А вы поймите, что кванты вакуума — это как бы вибрирующие на пружинах под влиянием электромагнитного излучения протоны и антипротоны. При банальной

электромагнитной буре этот процесс для нас отнюдь не банален, ибо в своих крайних положениях частички вещества и антивещества уже не полностью компенсируют свойства друг друга... Тогда и начинают проявляться эти скрытые в состоянии «пустоты» физические свойства материального вакуума — плотность, молниеносно возникающая и исчезающая. И эти песчинки как бы «жалют» в вакууме предмет (при магнитной буре и при субсветовой скорости движения).

— Это как же выходит? — начал сдаваться штурман. — Вроде комары появляются на нашем пути. И жалют, проклятые.

— Не столько комары, сколько «космический наждак». При малых скоростях он незаметен, но при субсветовой скорости на единицу времени приходится столько столкновений с «ожившими» квантами вакуума, что они в состоянии перетереть буксир.

— Может быть, и так, коли не врешь, — окончательно сдался штурман, поворачиваясь на другой бок. — А я прикидываю, сколько времени наш сигнал до Земли будет идти. Ведь расстояние-то какое мы за год пролетели! Радиосигналам по меньшей мере полгода понадобится, чтобы до Земли добраться.

— Это по земным часам, Федор Нилыч. А по нашим звездолетным — несколько минут, — разъяснил Галлей.

— Это он верно прикидывает, — поддержал его Крылов. — Ежели Эйнштейн прав, конечно.

— А если бы он был не прав, с нами ничего не случилось бы — быстро ответил Галлей.

— Может, и впрямь от этой теории относительности нам хоть кое-какая польза будет, — пробурчал штурман. — Спасателям год разгона понадобится. А у нас?

— Оторвавшись от энергоисточника, мы пока не можем точно вычислить наш «масштаб времени». И это меня беспокоит.

— Почему? — спросил Крылов.

— Догадываются ли на Земле, что наши сигналы будут чрезвычайно растянуты во времени? Их можно и не заметить.

— Ну и загибаешь ты, Вася, с масштабом времени. Я, пожалуй, для его сокращения всхрапну.

И штурман действительно уснул.

Командир не спал и чутко прислушивался к тревожным вздохам Галлея, пока и дыхание Васи не стало ровным.

Крылов думал о далекой Земле, о рыженькой дочурке Наде, увлекавшейся математикой и планеризмом, о жене Наташе, сдержанной и гордой, никогда не говорившей мужу, что он покидает ее. И Надю она не останавливала в ее причудах.

— Командир! — послышался рядом голос проснувшегося Галлея. — Мне приснилось, что она прилетела за нами.

— Кто? Надя моя? — невольно вырвалось у Крылова.

— Нет, что вы! Кассиопея.

— Ну, она, брат, не полетит. Это тебе взамен кошмара привиделось. Посмотри лучше, как штурман спит, и последуй его примеру.

— Я постараюсь, — пообещал Галлей, поудобнее устраиваясь под ремнями на койке.

Крылов еще долго смотрел в широкий иллюминатор, за которым ярко и мертвенно горели чужие созвездия.

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

Казалось, два великана и мальчик между ними идут от Дворца науки по усыпанной песком дороге мимо нарядных цветников и фонтанов.

Сначала они шли молча. Наконец Бережной сказал:

— Ну, хлопцы, кажется, все ясно.

— Ясновидцы не требуются, — отозвался Никита Вязов.

— А ты как, парень? — обратился командир к американскому звездолетчику Генри Гри, третьему члену экипажа спасательного корабля.

Генри Гри неожиданно попросил:

— Бережной, если можно, отпусти Никиту и останься до следующего рейса звездолета со мной. Мне нужно с тобой поговорить.

Бережной удивленно посмотрел на американца.

— Чудно, парень! Ну, ладно! У каждого своя боль. Ну что ж, Никита, лети пока один. А мы с Генри потолкуем о его делах или сомнениях.

— Сомнениях — нет. Бережной. А потому прежде, чем Никита улетит, дадим общую клятву в том, что долг для нас будет дороже жизни.

— Добре! Это ты славно, парень, сообразил. Давайте, други, руки.

Перед затейливой бронзовой калиткой у выхода из городка науки звездолетчики остановились и, соединив в пожатии левые руки и подняв правые, как в салюте, замерли на мгновение.

— Клянусь! — выждав мгновение, первым произнес Бережной. — Клянусь выполнить свой долг!

— Клянусь! — пробасил за ним Вязов.

— Клянусь жизнью! — произнес американец.

Бережной пристально посмотрел на него, потом повернулся к Вязову:

— Никита, береги мать. Слова поосторожней подбирай. Про войны напомним.

— Это она сама вспомнит, — отозвался Никита и, попрощавшись, пошел к площадке взлета.

Бережной посмотрел на Генри Гри.

— Давай спустимся на берег Москвы-реки. У вас там в Америке всяких чудес полно, но такой подмосковной красоты не сыскать.

— Для этого надо ехать в Канаду. Там встречаются места, похожие на Россию.

Они спускались к воде по крутой тропинке, ни словом не упомянув о том, что расстаются с Землей своего времени навсегда.

Когда Никита подходил к подъезду, откуда мать обычно провожала его взглядом, сердце его билось учащенно. Как сказать ей, что он улетает навсегда?...

Легко взбежав по ступеням, открыл незапертую, как всегда, дверь и застыл от неожиданности.

В большой комнате перед видеоэкраном сидели Елена Михайловна и... Надя.

Они поднялись при его появлении. Елена Михайловна с горечью посмотрела на сына.

— Слышали? — спросил Никита, кивнув на экран.

— Слышали, — сдавленным голосом ответила Елена Михайловна. — Надя мне все объяснила.

— Что объяснила?

— Про масштаб времени, которое для тебя сожмется, как она мне показала на наших старых часах. Мы с ней как бы на конце стрелки останемся, а ты в самый центр вращения улетишь, и время твое не дугой, как у нас, а точкой можно изобразить.

— Хочешь сказать, время остановится?

— Да. У тебя, а не у нас, — еле слышно прошептала Елена Михайловна, обнимая сына и беззвучно плача.

Он рассеянно гладил ее.

Наде показалось, что время действительно остановилось для них. Но куранты старинных часов вдруг начали бить звонко и долго.

Наконец мать отпустила сына и, вытирая слезы дрожащими пальцами, с усилием спросила:

— Тебя где-то задержали?

— Нет. Я сюда прямо из Академии наук. Правда, в пути на минутку остановились, чтобы дать клятву друг другу.

— Какую клятву, сынок? — с нежностью спросила Елена Михайловна.

— Клятву выполнить долг, мама.

— А я вот слышала, что ты до того еще кое-кому слово давал, — и она взглянула снизу вверх в лицо сына.

— Слово? — насторожился Никита.

— Будто обещал не улетать, если при жизни нашей тебе возврата не будет.

Никита отрицательно покачал головой.

— Не совсем так, мама. Боюсь, Наде показалось, что я дал ей слово, я не мог его дать. Это был бы не я.

— Это был бы не ты! — упавшим голосом подтвердила Елена Михайловна. — Я ушам своим не поверила.

— Да, да! — снова вступила Надя. — Это я вынуждала его к этому, и мне показалось, что он дал его. Наверное, я ошиблась. Но теперь все равно! Потому что... потому что... я возвращаю ему слово, даже не данное мне. Нельзя обрести собственное счастье такой ценой. — И она замолчала, потом сквозь слезы добавила: — Ценой предательства... ценой жизни папы и его спутника... ради себя. Мне не было бы места на Земле.

— А матери что скажешь? — спросила Елена Михайловна. — Ты ей слова не давал.

— Бережной просил тебя про войну вспомнить.

— Не могу я об этом вспоминать! Не могу!

— Почему, мама?

— О тебе думая, никогда о ней не забывала, матерью воина себя ощущала, хотя идешь ты спасать человеческие жизни, а не отнимать их.

Никита тяжело опустился на стул, застыв в напряженной позе.

— Я хочу, чтобы вы меня поняли, — наконец сказал он. — Как мне благодарить вас обеих за это? Я подозревал, что есть он, этот проклятый «парадокс времени», но все теплилась где-то надежда на четыре года разлуки... только на четыре года... Но радиограмма из другого времени, принятая в Гималаях, все решила. — И он замолчал.

Слышнее стало тиканье старинных часов.

Елена Михайловна задумчиво произнесла:

— В Гималаях? Говорят, там в Шамбале живут по несколько столетий. Я бы нашла ее на любой высоте, лишь бы тебя дожидаться...

— А я? — неожиданно вставила Надя. — Мне тоже пойти с вами? Ведь никого из людей, замороженных сто лет назад в жидком азоте в надежде на достижения грядущей медицины, так и не удалось оживить. А там в горах, в розовом тумане...

Но захочет ли Никита смотреть еще на одну старушку?

— Боюсь, что космический масштаб времени перекроет даже возможности сказочной Шамбалы! Увы, жизнь — не сказка. Прожитые дни не растянуть на целое тысячелетие. А дать погибнуть в космосе людям, ждущим нашей помощи, мы, спасатели, не можем, не имеем права, пусть даже ни у кого из нас не останется надежды...

— И у тебя? — со скрытым смыслом спросила Надя.

— И у меня тоже, конечно, не останется никакой надежды, — хрипло произнес Никита.

— А я? Разве я перестала быть Надеждой? — спросила девушка, заглядывая в глаза Никите.

Елена Михайловна удивленно посмотрела на нее.

Никита через силу улыбнулся.

— Ты останешься надеждой своего замечательного деда и оправдаешь общие как одаренный математик.

— Как? Как ты сказал? Математик?

— Ну да, математик!

— А разве математики не нужны в космическом рейсе?

Никита развел руками:

— Надя, милая моя! Наш экипаж давно укомплектован. И только что в полном составе поклялся выполнить свой долг. Звездолет рассчитан только на спасателей и спасенных и больше ни грамма не возьмет!

С болью в сердце видел Никита, как Надя изменилась в лице.

Бережной и Генри Гри, свесив ноги, сидели на обрыве. С тонкой березы, растущей чуть ниже, свешивались листья и сережки. Генри Гри дотянулся до ближней ветки, пригнул ее к себе и прикрыл листвою, как вуалью, лицо.

— Скажи, Бережной, — не без лукавства спросил он. — Как ты мог додуматься до моей тайны?

Бережной прищурился:

— Э, дружище! Не такой уж труд! Детектива не треба. Чуть пристальнее надо приглядываться к мелочам. Давно стали женщины брюки носить, да не так носят, не по-мужицки! Хоть и в штанах, да не тот мах!

— Жаль, не было раньше разговора, не научил, как надо.

— Разговора не было, потому что тайну твою я не собирался разглашать. Как-никак, третий член экипажа представляет целый континент. Уйму конкурсов там прошел, коварные тесты преодолевал. Как никто другой! Каскадер к тому же. И еще знаменитым математиком признан. Потому и оказался первым американским претендентом на место в экипаже звездных спасателей.

— Да, это так, командир. Требовалось много труда, усилий, старательств.

— Стараний, — поправил Бережной.

— Конечно, старании. А потом любви, командир...

— Какой любви?

— Обыкновенной, когда говорят люблю... как это... по-русски... Любовь...

— Давай, вставай, грести будем! — послышался почти рядом мальчишеский голос.

— Подожди. Не слышишь, что ли, там влюбленные.

Бережной увидел внизу тихо плывущую по течению лодку, а в ней двух лежащих на дне мальчуганов.

— Как они меня узнали? — прошептал американский звездонавт.

— Они не видели, только слышали мужской и женский голоса. Еще одна неучтенная Генри Гри мелочь.

— Бывают, и у мужчин высокие голоса.

— Бывают, бывают. Правда, я угадал не только по голосу, но для надежности помалкивал, хоть и не все понимал.

— Как тебе объяснить, командир? Это немножко иной мир — Америка. Другие традиции. Чужой для вас уклад жизни. Там каждый сам по себе. И, несмотря на процветание нации, у нас все еще, к несчастью, есть обездоленные. Они нуждаются в сочувствии, сострадании, помощи. И за них надо было бороться в самом Капитолии... Вот почему требовалось занять сенаторское кресло. У тебя появляется понимание, командир?

— Как тебе сказать? Немного, пожалуй, не хватает. Одно только уяснил. Нельзя тебя до старта выдавать. В полете все быстро бы выяснилось.

— Конечно! Еще как выяснилось бы!

— Чему радуешься? Воображаешь, какие у Никиты глаза выкатились бы?

— Очень хочу представить такое. Спасибо за сохранение такой тайны. Но это только ее половина.

— А вторая половина — как оплошали ваши медицинские комиссии?

— Вовсе нет! Туда проникли наши врачи, члены Союза обездоленных. Они знали, что так надо.

— Что так надо?

— Надо, чтобы председатель Союза обездоленных Генри Гри вернулся из спасательного звездного рейса национальным или даже всепланетным героем.

— Героем или героиней?

— Пускай героиней! Однако в полет должен был отправляться обязательно мистер Генри Гри, который дважды уступал в предвыборной борьбе за сенаторское кресло в штате Алабама Джесси Грегори. Республиканцы уже считают это место своим! Тогда-то Генри Гри и начал свою подготовку. После четырех лет полета он вернулся бы на гребне небывалой популярности, которой только помог бы романтический маскарад Генриэтты. За это можно рисковать жизнью, командир, — я имею в виду не только трех звездолетчиков в космосе, но и три миллиона обездоленных на Земле. Как ты думаешь, командир, какая цифра, какая задача больше?

— Ну, парень!.. То есть Генри... тьфу!.. Генриэтта! Скажи сначала, зачем тебе вообще понадобился этот маскарад?

— Э-э, командир! На Капитолии редкость женщина-сенатор. Королевы правила, но не в Америке! И Союз обездоленных решил добиваться кресла для своего председателя Генри Гри. Ковбой и ученый! Каскадер и поэт! К тому же «свой парень»! О'кэй!

— О'кэй, о'кэй, парень что надо! Видел я твои киноподвиги! Прыгнуть на автомобиле с моста на идущий под ним поезд, промчаться в авто по крышам вагонов и локомотива, потом слететь на том же каре по ходу вперед на железнодорожные пути и скакать на шинах по шпалам впереди поезда — это, брат, трюк небывалый. За одно это тебя в звездный рейс можно взять. И все-таки ты вновь проиграл на выборах. Видно, там другие трюки требуются. Так чего ты снова в эту свалку лезешь?

— Чтобы победить! Национальный и всепланетный герой — уже не тот противник для республиканцев, как прежде. Популярность звездолетчика должна помочь Союзу обездоленных посадить своего сенатора в Капитолий. И мой долг добиться этого.

— Эге! Так вот какому долгу клятва давалась!

— Клятва давалась жизнью, которая принадлежит не Генри Гри и не Генриэтте Грин, а миллионам обездоленных американцев! Ради них были пройдены все математические тесты и физические испытания. Вот и суди теперь сам, кого я должна спасать: трех человек, терпящих бедствие в космосе, или три миллиона американцев?

— Да, задаешь ты мне задачу! Выходит дело, ты лететь с нами не хочешь?

— Еще как хочу, но есть особая тайна, Бережной. Узнать ее — это понимать, чего стоит мне отказаться от полета с тобой и Никитой.

— А Никита при чем? Он незаменимый штурман. У него таких вопросов возникнуть не может.

— Нет, командир, я не о том...

Послышались всплески весел. Мальчишки возвращались, гребя теперь против течения.

— А они правильно сказали про влюбленных, Бережной.

— Про кого?

— Про меня, командир, — и Генриэтта задорно помахала мальчуганам сорванной веткой. — Разведчики, прокатите в лодке! — крикнула она.

Ребята смутились, посоветовались немного и стали подгрести к берегу.

— Нет, ребятки, я пошутила! — снова крикнула американка. — У меня командир такой строгий!

— Какой командир? — заинтересовались мальчишки.

— Бережной, звездолетчик! Знаете такого?

— Ух ты! — воскликнул один из ребят.

— А Никиту Вязова вы знаете? — крикнул другой.

— Еще бы! А ты?

— Он меня, Сашу Кузнецова, и вот его, Витю Стрелецкого, из воды вытащил. Передайте ему, мы его всегда помнить будем!

— Передам, непременно передам! — ответила Генриэтта.

Лодка стала удаляться.

— Славные ребята! — глядя вслед ей, сказала американка и добавила: — Да и Никиту, наверное, тоже любят.

— Что значит тоже? — насторожился Бережной.

— Что такое «тоже», спрашиваешь? Отвечу, командир, что ради своего долга, о котором ты теперь знаешь, я отказываюсь от своего счастья.

— От какого счастья?

— От звездного счастья! Когда в полете тайна раскрылась бы, я бы во всем призналась Никите.

— В том, что ты женщина?

— Это он сам понял бы. Нет, открылась бы в своих чувствах к нему!

Бережной свистнул.

— Ну знаешь! Я никогда не был фаталистом, но теперь вспоминаю поговорку, которой многие люди себя утешали.

— Какая поговорка?

— Что ни делается, все к лучшему! Хорошо, что не придется тебе признаваться Никите! Он на Земле оставляет чудную девушку.

— О, я не завидую ей! У нее пройдут годы, пока на его часах отсчитаются минуты. Она забудет его. Появятся муж, дети, внуки, правнуки, и только самые далекие ее потомки, может быть, дождутся нас с Никитой, по-прежнему молодых и счастливых.

— Чем счастливых?

— Взаимной любовью, командир, которая расцветет у тебя на глазах. Ты думаешь, что молодой мужчина за долгие годы полета не влюбится в летящую с ним рядом женщину? О, Бережной, если захочу, я могу быть обворожительной, но... всего этого, увы, не случится, ибо долг разведет каждого из нас в стороны.

— Не хотел бы я видеть все это!

— Тебе пришлось бы не только видеть, но и поженить нас. И знаешь, где? В невесомости, когда тяговый модуль начнет тормозить при подходе к спасаемому звездолету. Я всегда восхищалась тем, что парашютисты успевают справлять свадьбы в свободном полете. И завидовала им — прыгнут с самолета, повенчаются, бутылку шампанского с друзьями выпьют, а потом только парашют раскроют. И я хотела, чтобы так получилось и у нас!.. В командире должна воплощаться вся земная законность. Не правда ли? И тебе пришлось бы соединить нас брачными узами без уз тяготения. Не так ли? — Американка смеялась.

— Нет, не так! Не знаю, буду ли я венчать вас с Никитой среди звезд, но дезертировать тебе в последнюю минуту не дам. Это я твердо знаю. Да и никто не даст.

БЕЗ УЗ ТЯГОТЕНИЯ

У костра сидели трое в серебристых костюмах звездолетчиков. Над огнем грелся котелок.

К самому берегу тихой речки подступали высокие сосны. В их вершинах гулял ветер, раскачивая ветви, а внизу все затаилось в тишине. Последние лучи солнца отразились в воде и погасли. Вдали за лесом разгоралась вечерняя заря.

— Дядя Жора. Вы ведь позволили так называть себя в лесу, — обратился к командиру звездолета штурман, показав рукой на чисто земной пейзаж, чудом перенесенный в отсек отдыха эффектом голографии.

— А как же! В такой красоте земной всякие чины и зва...

Внезапно все трое взлетели в воздух над берегом затихшей речки.

— Наконец-то! — радостно воскликнула звездолетчица.

— Ну что? Дождалась? — добродушно произнес командир, привычным движением выправляя свое тело, чтобы оно вертикально зависло над светящимися «угольями» электрического костра. Как сама вычислила, так и произошло.

Звездолетчица протянула в воздухе руку штурману, их пальцы встретились и соединились, как у парашютистов в групповом прыжке...

— Что? Невтерпеж? — улыбнулся командир. — Добре, добре. Приступаю сейчас к своим обязанностям представителя земной законности. Как вами задумано, так и будет.

— Да, да! Командир! Надо именно сейчас все проделать, пока наша жилая кабина догоняет тяговый модуль.

— Есть еще время, есть! Тяговый модуль только начал торможение. Пока еще выберется весь стокилометровый буксир, пока модуль отстанет от нас и натянет трос, десять свадеб можно сыграть в невесомости.

— Десять не надо, — усмехнулся штурман. — Только одну. Женить-то больше некого, разве что роботов?

— Пока некого, но ведь начнет когда-то человечество осваивать дальней космическое пространство. Мужчины и женщины в полете годами рядом будут жить, тогда браки в космосе станут обыденностью. А вы, мои дорогие, пока первые, и года рядом не вытерпели. А потому, представляя нашу матушку-Землю, задам каждому из вас пустяковый вопрос. А вдруг получу отрицательный ответ?

— Задавайте, командир, задавайте! Готова отвечать!

— Начнем с тебя, штурман. Не передумал ли ты стать мужем нашей звездолетчицы, математика спасательного корабля «Крылов», которую так крепко за руку держишь, словно она лететь от тебя собирается?

— Это она меня так держит, командир. И мне от того радостно, потому что я не передумал стать ей верным мужем и постараюсь быть ее достойным.

— Добре сказано. А ты, математик корабля «Крылов», решила ли завладеть нашим штурманом и стать его женой?

— Согласна! Тысячу раз согласна.

— Зачем тысяча согласий? Достаточно одного. А вот за восемь месяцев, наверное, не раз обдумывала свое намерение?

— Вовсе нет! Я Никите сразу после старта сказала, но...

— Вот-вот, знаю я ваши «но» и причуды... Все романтики! Каскадерство лихое. Непременно требовалось в «свободном падении» свадьбу сыграть, как у парашютистов!

— Дело не в капризе воздушных каскадеров, — возразила звездолетчица. — Просто невесомость означает торможение нашего тягового модуля, начало сближения с оторвавшейся кабиной «Скорости». Потому и хотелось достойно отметить завершение первого этапа нашей экспедиции.

— Куда достойнее! — отозвался командир.

— И установление радиосвязи с первым звездным экипажем. Я была уже готова поговорить...

— С кем, с кем поговорить? — взъерошился командир.

— Хотя бы с первым американцем в Галактике.

— Это Вася-то Галлей — американец? — усмехнулся Никита. — Мы с ним вместе в калужской школе имени Циолковского учились. И родился он в Москве.

— В Москве-то в Москве, только в штате Массачусетс, — возразила звездолетчица. — Потом Иельский университет, Хьюстон, мыс Канаверал.

— Не в этом дело, — оборвал командир. — Ребятам нашим приходится считаться с нехваткой энергии и экономить даже на радиоприеме, позволяя себе только радиопеленг. Потерпи, пока не сблизимся с ними вплотную.

— Настоящую женскую красоту умение терпеть только подчеркивает, — добавил Никита.

— Сократ! — возмущенно бросила Никите его подруга.

— А пока что мы еще не рядом...

— Ну что ты, командир, — пробасил штурман. — Как же не рядом? Еще наши предки управляли по радио автоматическими станциями не за один, а за сотни миллионов километров. Можно считать, что сближение со «Скоростью» началось. Нашему математику верить можно.

— Тебе, штурман, верить ей всю жизнь придется.

— Я готов.

— Коли так, и невесомость стала символом завершения первого этапа нашего рейса, самое время связать вас брачными узами. Объявляю вас мужем и женой. Первой космической парой, соединившейся в звездном полете. Пока я говорю эти слова, на Земле нашей летят десятилетия, но вы вернетесь на Землю молодыми.

— Спасибо, командир. Будьте теперь нашим первым семейным гостем. Угостимся космической похлебкой, как бы в земном бору сваренной, — предложил штурман.

Пока в звездной бездне происходила эта необычайная свадьба, спасательный звездолет «Крылов» выполнял сложный маневр, сближаясь с жилым модулем звездолета «Скорость», летящим по инерции с оборванным буксиром.

Отведав свадебной похлебки, командир и счастливые молодожены перебрались в кабину управления, пролетев по знакомым коридорам, которые еще недавно не без усилий преодолевали из-за увеличенного тяготения, позволившего им, впрочем, менее чем за год догнать потерявшийся модуль.

— Запись радиограммы со звездолета «Скорость», — доложил штурман, проглядывая ленты автоматических приборов.

— Знато! Пока мы там на свадьбе гуляли, они...

— Отметили замедление нашего тягового модуля.

— Командир, — обернулась звездолетчица. — Все о'кэй. Пора задавать программу автопилоту.

— Никита, замени меня у ручного управления — у тебя реакция лучше моей. Я буду регулировать по компьютеру натяжение буксира. Как, штурман? Справишься? При малейшем сомнении бери управление на себя.

— Не понимаю, — отозвалась звездолетчица. — Неужели человек может тягаться с компьютером, в который я заложила оптимально рассчитанную программу?

— Ты, математик, за своего Пифагора, Архимеда или Диофанта не обижайся. Мы твой компьютер уважаем. Только имей в виду, что миллиард попыток в секунду еще не все, шахматная партия, бывает, за один ход проигрывается — натянись буксир рывком, может и у нас обрыв получится, и тогда вместо одного двум скитальцам меж звезд блуждать придется. А на Земле звездолетов такого класса не осталось.

— Не доверяете все-таки машине?

— И машине чуть-чуть, и программисту немножко, уж ты не серчай. Командиром станешь, так же поступишь. Или не так? Ведь любой компьютер не замена, а только помощник человеку.

— А я-то старалась, — вздохнула звездолетчица.

— И не зря старалась. Иначе тебя с собой мы не взяли бы.

Через иллюминатор кабины управления в электронный бинокль можно было видеть, как постепенно выбирается на фоне застывшей звездной россыпи ниточка

буксира, связывающего два модуля спасательного звездолета. В отличие от оборвавшегося буксира этот был заключен в трубу, по которой из технического модуля пропусклся огромный высокочастотный ток, мгновенно превращая в пар любую крупинку вещества, возникавшую в результате перевозбуждения квантов вакуума, благодаря чему сам буксир со всеми кабелями энергоснабжения и передачи команд оставался надежно защищенным.

Ни Вязову, ни Бережному не привелось дублировать автоматическое управление. Когда буксир почти натянулся, отставший технический модуль по команде компьютера немного увеличил скорость, почти сравнив ее со скоростью летящего по инерции жилого модуля. Буксир плавно натянулся и заставил жилой модуль развернуться.

В кабине это стало заметно по движению звезд, которые серебристым потоком понеслись в иллюминаторе. Наконец звездолетчики ощутили появление силы тяжести и плавно опустились на пол кабины.

— Ну, штурман! Поздравляю тебя с такой женой! К математике ее не подкопаешься — зря, выходит, мы с тобой наши грубые мужицкие руки к штурвалам потянули... Женский ум нам мужскую силу проявить так и не дал. Сочувствую тебе, Никита. Если у вас так дело пойдет и дальше, жить тебе, бедняге, под высоким каблучком, как в старину говаривали.

— Она высоких каблуков не носит, командир.

— Зато другие трюки ее мне хорошо известны. Давай, телеграфируй Алексею Крылову. Поздравь его — мы теперь от «Скорости» не дальше, чем Луна от Земли. Слова наши эти через какие-нибудь три-четыре секунды примут.

— Есть, командир. Передаю «Скорости» лунный привет.

— Ну, давай, штурман! Им всякий привет с Земли радостен, в особенности лунный.

УГАДАННОЕ ИМЯ

В кабине управления жилого модуля было темно. Лампочка аварийного освещения давно покрылась густо-синим льдом из кристаллов уголекислоты, азота и кислорода. Такой же лед морозным узором — как зимой на окнах, уже не раз оседал на стеклах иллюминаторов, но оттуда его почти сразу же счищали.

Перед пультом неподвижно висели три скафандра, предназначенные для выхода в открытый космос.

Казалось, в кабине нет никого, но это было не так.

Заключенные в скафандры звездолетчики из экономии старались обходиться без шлемофонов. Энергия не только в модуле, но и в скафандрах иссякала. Температуры в вакууме и внутри оторвавшейся жилой кабины почти сравнялись. Звездолетчики забыли, когда у них горело освещение, когда включался электрообогрев, но все равно верили, что помощь придет. И она пришла. Первые радиосигналы были уже получены.

— Разрешаю пользоваться шлемофоном, — в наушниках раздался голос командира звездолета.

— Дать радиопеленг?

— Подождите, командир, надо хоть немного отогреть компьютер. Я проверю, не начал ли тормозить их технический модуль.

— Валяй, Вася. Заодно можешь себе горячего чая разогреть.

— Обойдусь, командир. Боюсь обжечься. Последние остатки энергии ушли на обогрев компьютера.

— Тормозит! Точно тормозит! — обрадованно заявил Галлей. — На хвосте у жилого модуля тяговый сидит и назад тянет.

— Это и без компьютера видно. Модуль нас догнал, а теперь застыв, сравнял скорости. Значит, ускорения уже не должно быть, — закончил Федоров.

— У них там наверняка веселье. Удачную операцию отмечают.

— А может, еще и с горячей похлебкой? — подзадоривал штурман.

— Не напоминай, Федор Нилыч, не надо!

— Кстати, Вася, там вроде бы женский голос слышался. Не иначе, летит выручать тебя твоя Кассиопея.

И все трое молча смотрели на приближающийся к ним спасательный модуль.

— Пожалуй, пора погреться в их жилой кабине, — нарушил молчание Крылов.

— Собраться недолго. Бортжурнал со мной. Разве что Вася забыл портрет Кассиопеи, так она сама его встретит.

— Ладно вам. Надо отдраивать люки.

Галлей и штурман вдвоем бросились к механизмам, открывающим люки шлюза.

— Командир! — послышалось в шлеме Крылова. — Механизмы замерзли. Пробовали включить отопление. Прибор показывает нуль, последнюю энергию Васькин компьютер съел.

— Ну что ж, — усмехнулся Крылов. — Значит, зря за нами спасатели летели. Какое решение предложите? Попросить, чтобы на буксир нашу обледенелую кабину взяли?

— Так ведь энергии нет, — пробурчал штурман.

— В вас я энергии не вижу, — огорченно сказал Крылов, — ваши мыслительные аппараты хуже обесточенных компьютеров.

— Верно, командир! И как сразу не додумались! Есть энергия!

— Откуда?

— От реактивных двигателей, скафандров. Федор Нилыч мне сейчас на реактивные дюза показал, а я и сам, признаться, догадался.

Командир звездолета присоединился к своим товарищам. Они включили реактивные двигатели. Яркое пламя осветило кабину. Казалось, все внутри задымилось так, словно начался пожар.

Всего несколько мгновений работали двигатели в космическом аппарате — и твердый воздух внутри его снова стал газообразным.

— Шлюзовые люки теперь открывать будем не сразу. Не то опять все заморозим, — размышлял командир. Потом уже решительно добавил: — Штурман и Галлей, перебирайтесь в шлюз, а я буду наблюдать в иллюминатор сближение с модулем. Через шлемофон дам команду выходить в космос. Сначала Галлей, потом Федоров, а я следом за вами.

Крылов, поднеся к очкам скафандра электронный бинокль, всматривался в рассыпанную в черной бездне звездную пыль, на фоне которой постепенно увеличивался в размерах от звездочки до маленькой луны посланец Земли.

Он уже знал, что командиром спасательного звездолета был его школьный друг Жорка Бережной. Интересно, кого он взял с собой? Всех дублеров Крылов знал наперечет, но женщин среди них не было. О каком женском голосе болтал Федя Федоров? Или просто Ваську подначивал?

Когда спасательный модуль закрыл собой весь иллюминатор, Крылов подал команду, которую от него ждали Федоров и Галлей. Они включили механизм отдраивания наружного люка. Однако открыть его полностью не удалось — сказалось обледенение.

Спасательный модуль был виден через люк шлюза, в трех-четыре километра. Вася Галлей, самый тонкий из них, нырнул в полуотдраенный люк и сравнительно легко выбрался наружу.

Федорову пришлось труднее. Однако и ему в конце концов с помощью перебравшегося в шлюз Крылова удалось вылезти.

Теперь обоим предстояло лететь к «Крылову», а сам Алексей Крылов должен был покинуть застывший модуль последним.

Но реактивный двигатель скафандра мешал ему протиснуться в узкое отверстие. Вот если бы ребята не улетели и помогли ему снаружи! В шлемофоне слышались их голоса, но где они сами?

С трудом Крылову удалось высунуть руку и голову, чуть повернуться, и он увидел, что оба его товарища ждут у люка.

Они подхватили его под руки и стали тянуть. Реактивный двигатель скафандра заклинило. Крылов решился и включил свой реактивный двигатель, чтобы с помощью его тяги вырваться из шлюза.

Но все было напрасно!

— Придется подхватить меня ремнями под мышки. Рванем!

— Тремя двигателями? — спросил Галлей.

— Как выйдет, — уклончиво ответил Крылов.

Приказ его был выполнен, два звездолетчика в скафандрах взяли на буксир застрявшего командира и включили свои реактивные двигатели. Пламя вырвалось из них, облизывая обшивку модуля. Скафандр, казалось, сдвинулся с места... Ранец с реактивным двигателем прочно засел в люке. Крылов успел ослабить ремни и... Два звездолетчика вынесли в звездную бездну третьего без оставшейся в модуле ракеты!

Так, вместе, все трое и полетели к спасательному модулю, сиявшему яркими огнями.

Подлетев к нему, космические странники сначала коснулись обшивки модуля, словно ощупывая его, не веря в его реальность. Потом стали двигаться к зияющему в знакомом месте отверстию приемного люка и нырнули в него один за другим.

— Наконец-то! — произнес Галлей, когда наружный люк закрылся за ними.

— Вроде дома, — заметил Федор.

Шлюз наполнялся воздухом. Трое спасенных ждали, когда откроется внутренний люк.

Шлюз был едва освещен. Свет же из открывшегося внутреннего люка ослепил звездолетчиков. В невесомости первым проплыл через люк Галлей, потом Федоров и, наконец, Крылов.

Трое спасателей без скафандров, но в одинаковых серебристых комбинезонах встречали прибывших, помогая им снять гермошлемы и освободиться от скафандров.

Крылов смотрел перед собой и не верил глазам.

— Надя! — крикнул он, обнимая бросившуюся ему на грудь дочь. — До чего же правильно я дал тебе имя Надежда!

ЭПИЛОГ

Гигантский звездолет, затормозив, снизил свою субсветовую скорость, вошел в планетную систему желтой звезды, которую он отыскал среди мириадов других солнц.

Экипаж из шести звездолетчиков с помощью совершенной аппаратуры установил существование в планетной системе кольца космических тел, судя по всему, обломков когда-то огромной планеты.

На третьей от звезды планете была обнаружена разумная жизнь. Однако техническое развитие найденной цивилизации оказалось не таким высоким. Не было отмечено использования электромагнитных излучений для связи или дальновидения, хотя одиночные электрические разряды неатмосферного происхождения все же были зафиксированы и могли служить свидетельством примитивных попыток сигнализации. Это открытие насторожило звездолетчиков, поскольку свидетельствовало о том, что общество находилось на пороге овладения внутренней энергией атома. Судя по истории их родной планеты, можно было предположить, что спустя два-три десятка циклов обращения планеты вокруг светила обитатели ее смогут использовать расщепление атома во зло и уничтожение.

Еще до того как было принято решение, звездолет вывели на околопланетную орбиту.

На поверхности планеты можно было увидеть все признаки развитой цивилизации. Огромные пространства меняли свою окраску, очевидно, по мере созревания местных культурных растений. В водных пространствах, разделяющих материки, суда плавали без помощи ветра, и это говорило об использовании обитателями планеты искусственных видов энергии. Внутри городов были хорошо видны тончайшие ниточки путей искусственного происхождения. По путям двигались вереницы экипажей, использующие не силу животных, а машинную тягу. Этот период развития был хорошо знаком звездолетчикам по истории своего общества, и она подсказывала прилетевшим необходимость немедленных действий.

Они знали, что их долг — опуститься на планету и начать на ней «миссионерскую» деятельность, приводя в пример собственную историю и историю цивилизаций этой же планетной системы, в которой погибшая планета, превратившаяся в кольцо обломков, видимо, когда-то была населена и ее обитатели не смогли предотвратить безумие разума, освободив в целях уничтожения внутреннюю энергию атома, что привело к гибели всей планеты.

Нечего было и думать о том, чтобы посадить гигантский звездолет на планету. Пришлось воспользоваться малым спусковым устройством, на котором потом можно снова подняться в космос и найти оставленный звездолет.

Бросить звездолет без надзора было бы неразумно — лучше избегать непредвиденных случайностей. Но кому из шестерых остаться на нем, пока его товарищи выполняют задуманное и вернутся обратно? Полна неизвестности была судьба тех, кто высаживался на чужую планету, но жизнь единственного остающегося на звездолете страшила своей определенностью и одиночеством.

И тут один из членов экипажа добровольно вызвался остаться и ждать их возвращения на околоземной орбите.

— Я не буду одинокой, поскольку жду ребенка и успею даже воспитать его к вашему возвращению, — заявила единственная звездолетчица.

Спускаться решили в пустынном месте: в лесной глуши или в горах, где спусковое устройство могло сохраниться и откуда проповедники Спасения планеты должны были начать свой нелегкий путь. Но они знали, на что шли. Высшая цель вела их, и они меньше всего думали о том, что совершают подвиг. Они просто выполняли задуманное еще до начала их звездного рейса.

Звездолетчица с волнением прощалась со всеми, но когда она обняла отца будущего ребенка, ее сердце похолодало. Она попробовала улыбнуться, уверяя, что они вернутся домой всемером и застанут на своей родине золотой век.

Спусковое устройство отделилось от звездолета. Она знала выбранное для посадки место, но все равно не отходила от смотрового отверстия, нацелив прибор наблюдения в пустынный лесистый участок на наиболее крупном материке планеты.

Она собственными глазами увидела чудовищный взрыв в том месте, где должно было сесть спусковое устройство с ее друзьями. Огненный столб взвился с поверхности планеты. В атмосфере расплылась черная, закрывшая лесное пространство туча.

Она не рассеялась, неподвижно зависнув над местом катастрофы, и когда звездолет совершил полный оборот по своей околопланетной орбите, туча продуктов взрыва продолжала висеть.

Звездолетчица рыдала, билась головой о холодные стенки кабины, когда вдруг почувствовала, что именно сейчас ее одиночество будет нарушено.

Это произошло до срока, но виной тому была увиденная ею катастрофа.

Ребенок родился мертвым.

Еще один удар обрушился на несчастную. Волосы ее стали белыми, как у самой старой из ее бабушек, оставленных в звездной дали.

Но велика сила надежды. Звездолетчица подумала, что ее друзья, предвидя вызванную им понятной причиной катастрофу, могли успеть выброситься на специальных аппаратах и опустились на поверхность планеты без своего погибшего спускового устройства. Если друзья живы, то они будут выполнять свой долг. Кроме того, они отдадут обитателям планеты свои знания, и те создадут устройство, способное поднять инопланетных гостей на околоземную орбиту, где она будет ждать их на готовом к обратному рейсу звездолете.

Но эти мысли пришли ей в голову сразу после катастрофы, а потом... потом потянулись один за другим однообразные и пустые, сводящие с ума циклы. Если бы ее волосы не поседели сразу после катастрофы, срок побелеть им настал бы сейчас. Когда атомные взрывы лучше всего остального доказали ей провал миссии ее товарищей, надежду сменило отчаяние.

Будучи математиком, она вычислила, что звездолет за прошедшие тридцать семь циклов (планетных лет!) потерял высоту. Она сумела поднять его снова на первоначальную орбиту, однако понимала, что это возможно, пока она жива.

Спустя сорок циклов (сорок планетных лет!) она поняла, что после ее смерти, приближение которой она уже ощущала, гигантский звездолет будет год за годом терять высоту и когда-нибудь упадет на планету.

Тогда она подготовила взрывное устройство, которое через семь циклов, когда ее уже не будет в живых, должно было вызвать взрыв и превратить гигантский звездолет в множество мелких осколков, уже не представляющих опасности для жителей планеты.

Она перестала жить незадолго до подготовленного ею взрыва звездолета, который произошел 18 декабря 1955 года по земному летоисчислению, через 47 лет после загадочного взрыва в Тунгусской тайге в тысяча девятьсот восьмом году.

Американский астроном Джон Бигбю в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году обнаружил десять космических тел (малых лун). Их траектории сходились в одной точке, в которой неведомое ему космическое тело распалось восемнадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, за два года до появления первого искусственного спутника Земли.

Лишь немногие умы выдвинули тогда предположение, что и тунгусская катастрофа, и взрыв на околоземной орбите — гибель инопланетных объектов, пытавшихся установить контакт с людьми. Долгие годы всякое упоминание о внеземном разуме в связи с тунгусской загадкой отвергалось с негодованием.

Однако находка спустя почти семьдесят лет вдалеке от тунгусской катастрофы обломка инженерной конструкции из редкоземельных составляющих, соединенных по неизвестной на Земле технологии, заставила землян пристальнее взглянуть на события, разделенные временем, но способные объяснить друг друга.

И лишь спустя сотни лет человечество выросло настолько, что само подняло те идеи, которые, быть может, должны были ввести в нашу жизнь нам неведомых героев Вселенной, погибших в тысяча девятьсот восьмом году.

В тунгусской глуши, в эпицентре взрыва был зажжен незатухающий огонь — знак благодарности и восхищения подвигом, который мог бы остаться неизвестным. Люди разных стран и теперь считают своим долгом преодолевать тысячи километров, чтобы увидеть этот огонь памяти о тех, кто стремился предотвратить на Земле куда большую катастрофу, чем та, которая погубила их самих.

А шестеро посланцев Земли, неся с собой эти высокие идеи, летели в звездные дали, оставив память в далеких поколениях лишь о своем отлете.

Такой могла быть судьба инопланетных Героев Звезд, искавших в тысяча девятьсот восьмом году встречи с людьми, может быть, чтобы предотвратить у них ядерную катастрофу. И в инопланетном экипаже допустимо предположить подобную нашей Наде отважную звездонавтку, последней разделившую участь своих соратников.

Разгаданная на Земле тайна тунгусской катастрофы послужила не только предостережением нашим звездолетчикам, но и примером беззаветной отваги, которая и вдохновила наших героев спустя много лет на подобный же полет в звездные дали в ином масштабе времени, когда промелькнут для них незаметно земные столетия. Их отлет с Земли останется в памяти поколений, которым предстоит оценить после удачного их возвращения все ими перенесенное.